

На правах рукописи

БАЗАРКИНА ДАРЬЯ ЮРЬЕВНА

**РОЛЬ КОММУНИКАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора политических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в Отделе исследований европейской интеграции Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт Европы Российской академии наук».

Научный консультант: **Потемкина Ольга Юрьевна,**
доктор политических наук, заведующая Отделом европейской интеграции ФГБУН «Институт Европы РАН»

Официальные оппоненты: **Бочарников Игорь Валентинович,**
доктор политических наук, руководитель АНО «Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности»

Лобанов Игорь Геннадьевич,
доктор политических наук, доцент, старший преподаватель ФГКВООУ ВО «Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации»

Поздняков Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор ФГКОУ ВО «Голицынский пограничный институт ФСБ России»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»**

Защита состоится «_____» _____ 20__ г. в _____ на заседании диссертационного совета Д.002.031.02 при Институте Европы РАН по адресу: 125993, г. Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 3В.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института Европы РАН и на сайте *instituteofeurope.ru*.

Автореферат разослан «_____» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат политических наук

Федоров Сергей Матвеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Применение средств и методов коммуникации террористическими группами на протяжении всей истории терроризма усиливает исходящую от него угрозу общественной безопасности, однако с наступлением XXI в. эта угроза получила новое развитие. Действия запрещенных в России организаций «Аль-Каида» и ИГИЛ показали, что возможности коммуникации часто компенсируют террористам слабость боевой мощи по сравнению с государственными властями, позволяют привлекать на свою сторону новых рекрутов, получать финансовую и иную помощь, а также зачастую формировать повестку дня для ведущих СМИ и органов государственной власти, международных организаций. В результате деятельности ИГИЛ террористическая группа впервые в XXI в. получила возможность образования государства, и эта угроза не может быть обойдена вниманием научного сообщества.

Приоритетная роль борьбы с терроризмом во внешней политике Российской Федерации определена в официальных правительственных документах. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации, усиление угрозы международного терроризма становится одной из наиболее опасных реалий современного мира¹. При этом «главным направлением в борьбе с терроризмом» признано создание «международной антитеррористической коалиции», в том числе в целях предупреждения терроризма и экстремизма². Доктрина информационной безопасности Российской Федерации указывает на угрозу «информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание» в целях пропаганды терроризма, привлечения к нему новых сторонников³. Указанные тенденции придают актуальность коммуникационному аспекту борьбы с терроризмом с учетом международного опыта.

В странах ЕС в последние годы угроза терроризма существенно возросла. Стремительно сокращается в 2015 г. по сравнению с предыдущими годами время, которое занимает вербовка террористов⁴. Основным ее средством стало общение в социальных сетях. Электронные СМИ стали удобным средством для распространения террористической пропаганды. На фоне растущей социальной напряженности это затрудняет для государственных властей перехват стратегической инициативы в управлении общественным мнением, что заставляет задуматься о пересмотре коммуникационных стратегий⁵ борьбы с терроризмом. Все

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г. Ст. 2, п. 14 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: www.mid.ru (дата обращения: 16.01.2017).

² Там же. Ст. 2, п. 15.

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646. Ст. 3, п. 13 // Президент Российской Федерации: [сайт]. URL: kremlin.ru (дата обращения: 16.01.2017).

⁴ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016. The Hague: Europol, 2016. P. 5, 10.

⁵ Стратегия коммуникационная – долгосрочная и крупномасштабная программа, имеющая целью решение управленческих или маркетинговых задач средствами коммуникации с представителями целе-

это усиливает конфронтацию по национальному или религиозному признаку, на фоне чего активизируется ультраправый и квазирелигиозный терроризм. Развиваются и ультралевые террористические организации, чьи действия дискредитируют левое движение. Терроризм развивается под влиянием большого количества экономических, политических, социальных факторов, поэтому в борьбе с ним необходимы преобразования в разных сферах жизни граждан, с которыми должна коррелировать и коммуникация властных структур.

Объектом исследования является террористическая деятельность и борьба с ней в странах Европейского Союза. **Предмет исследования** – коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности в ЕС.

Хронологические рамки исследования охватывают период с атак на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. (после которых ЕС включился в «войну с террором») по настоящее время (первая половина 2016 г.), когда возросшая активность террористических группировок, эффективно применяющих современные каналы и методы коммуникационного воздействия, потребовала активизации дальнейшей разработки методов коммуникационного противодействия терроризму. Борьба с терроризмом в ЕС продолжается, что придает верхней границе данного периода условный характер и служит основанием для рассмотрения дальнейших перспектив исследования.

Территориальные границы исследования несколько шире границ Европейского Союза. Потребовалось обращение к опыту стран, не являющихся государствами-членами, в случаях, когда террористическая активность в этих странах напрямую затрагивает интересы ЕС. В частности, речь идет о терактах Андерса Брейвика в Норвегии, нашедших отражение в документах Европола.

Гипотеза исследования состоит в том, что проблемы в разработке, согласовании и применении коммуникационной стратегии Европейского Союза в борьбе с терроризмом с 2001 г. стали одной из важных причин того, что «война с террором» не только не привела к минимизации террористической угрозы в Союзе, но и усилила поляризацию общественного мнения. Это открыло новые возможности для роста террористических организаций. Структура антитеррористических ведомств, содержание стратегических документов, а также политические и социальные факторы, влияющие на характер принимаемых мер, определяют содержание и эффективность коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности не меньше, чем применение средств пропаганды или связей с общественностью.

Цель исследования – проанализировать роль коммуникационного обеспечения в антитеррористической деятельности Европейского Союза с 2001 г. Поставленная цель требует решения ряда **научных задач**:

- выявить основные особенности коммуникационного обеспечения и сформулировать его научно обоснованное определение;
- разработать инструментарий исследования, рассмотрев теоретические подходы к изучению коммуникационного эффекта терроризма и коммуникацион-

ного аспекта антитеррористической деятельности, а также примеры из практики международных организаций, государств, институтов гражданского общества;

- установить степень и характер угрозы, исходящей для граждан и властных структур ЕС (на национальном и европейском уровне) со стороны ультралевых, ультраправых и квазирелигиозных террористических организаций;

- выявить средства воздействия на общественное мнение, используемые террористическими организациями трех перечисленных ветвей;

- оценить эффект воздействия активности трех исследуемых ветвей терроризма на общественное мнение;

- проанализировать характер коммуникационного обеспечения работы антитеррористических ведомств ЕС;

- оценить опыт ряда государств-членов ЕС в борьбе с терроризмом посредством коммуникации, в том числе рассмотрев наиболее значимые случаи из практики кризисных коммуникаций;

- выявить специфические особенности, преимущества и недостатки коммуникационного обеспечения борьбы с ультралевым, ультраправым и квазирелигиозным терроризмом в ЕС.

Положения, выносимые на защиту

1. Коммуникационное обеспечение автор определяет как разработку и реализацию мер, обеспечивающих деятельность организации коммуникационными средствами, включая управленческие решения и механизмы распределения информации внутри организации и трансляции ее на внутренние и внешние целевые аудитории с целью искомого воздействия на них. Анализ коммуникационного обеспечения применительно к антитеррористической деятельности позволяет установить, что оптимальный путь дальнейшей разработки этого направления – включение антитеррористического компонента в стратегическую коммуникацию⁶ государства или межправительственного / коммунитарного образования, каким является Европейский Союз.

2. В исследуемый период терроризм имеет преимущественно сетевой характер, однако в связи с выходом на политическую арену ИГИЛ появляется иерархическая организация, копирующая систему государственных органов и обладающая обширной контролируемой территорией и природными ресурсами, доходы от которых облегчают, не в последнюю очередь, формирование отделов, ответственных за коммуникацию. В то же время с началом мирового экономического кризиса как ультралевые, так и ультраправые террористические организации расширяют международные связи, а ультраправая ветвь ужесточает теракты. На фоне роста квазирелигиозной угрозы ультраправые получают дополнительные возможности к расширению социальной и членской базы.

3. Несмотря на ограниченность полномочий Европола, Евроюста, Интсена и Координатора ЕС по борьбе с терроризмом в оперативной сфере, они имеют *широкие возможности* в области коммуникации. Несомненным достижением коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности ЕС на

⁶ О стратегической коммуникации см. подробнее §1.1 диссертации.

уровне европейских органов является сочетание важных практических инструментов стратегической коммуникации: 1) сбора и систематизации информации; 2) аналитической работы; 3) многоканальной коммуникации с профильными ведомствами государств-членов и третьих стран; и 4) коммуникации с широкой общественностью, направленной на поддержание репутации антитеррористических ведомств.

4. Наряду с явными преимуществами разветвленной системы противодействия терроризму можно выделить ряд факторов, тормозящих развитие коммуникационного обеспечения ее работы, сложившихся в исследуемый период или присущих сфере борьбы с терроризмом исторически. В качестве исторического фактора можно выделить негибкость спецслужб в оценке оппозиционных партий и движений. К политическим факторам относятся: 1) конкуренция национальных государств на геополитической арене, ведущая к соперничеству спецслужб; 2) сосредоточенность подразделений стратегической коммуникации на тактических задачах, в силу чего коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности далеко не полностью охвачено их вниманием; 3) конъюнктурность поведения политиков, ставящая под угрозу общественную безопасность.

Организационные факторы снижения эффективности коммуникации в борьбе с терроризмом в ЕС – это 1) зависимость Координатора и европейских агентств от интересов национальных правительств и, как следствие, 2) отсутствие должного уровня координации и недостаточно эффективное представление обществу работы ряда ведомств (даже при эффективном дублировании их функций).

5. Наряду с сильными сторонами коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности в государствах-членах, такими, как охват сообщениями, нацеленными на предотвращение терроризма, большого количества возрастных групп, налаживание системы обмена информацией в научном и экспертном сообществе, развитие аналитических служб и т. п., следует отметить и объективные слабости, такие, как недоработанность коммуникационных стратегий при освещении антитеррористических мер. Дискурс терроризма, принятый в отдельных странах, становится препятствием для разработки «неэмоционального словаря» для обсуждения этой проблемы, заявленного в Антитеррористической стратегии ЕС. Не были искоренены или должным образом минимизированы социальные факторы сохранения террористической угрозы.

6. Успехом в области коммуникационного обеспечения борьбы с отдельными ветвями терроризма является налаживание системы сотрудничества европейских и национальных ведомств в рамках широкого круга проектов. В коммуникационном противодействии каждой из ветвей терроризма в исследуемый период можно отметить и определенные проблемы. В документах Европола и национальных антитеррористических структур ЕС, наряду с призывом к толерантности по отношению к представителям других наций, религий и т. п., главным стал призыв к борьбе с «джихадизмом», «исламизмом», «марксистско-ленинскими организациями», что создает стойкую ассоциацию религии, требований прогрессивных преобразований и т. п. с террористической деятельностью. Пользуясь этим, террористические организации представляют борьбу с

терроризмом как борьбу с религиозными или политическими течениями, проявление национальной или религиозной нетерпимости.

Методология исследования основана на принципах научной объективности и системности: все процессы рассматриваются в контексте конкретной ситуации, а факты и события анализируются в совокупности, а не отдельно друг от друга. Важную роль при проведении исследования играл принцип историзма – подхода к действительности как изменяющейся во времени, развивающейся, а также общенаучные методы исследования – анализ, синтез, аналогия.

В работе использован принцип, выдвинутый Ж. Бодрийяром, по которому теракт являет собой символическое жертвоприношение жизни заложника или самого террориста для разрушения существующей системы социально-экономических отношений в обществе⁷. Отсутствие идейного ответа становится поражением системы. Разработка такого ответа – задача широкого круга исследователей. При подготовке диссертации применялись политологические классификации террористических групп⁸, методология политических исследований их состава и активности⁹. Автор обращается к теориям кризисных коммуникаций¹⁰, других областей связей с общественностью и коммуникационного менеджмента, менеджмента знаний¹¹, журналистики¹². Применение концепции коммуникационных цепочек управления¹³ позволяет проследить, как теракт обнаруживает слабые места государственной системы. При этом разработка коммуникационной стратегии борьбы с терроризмом направлена на достижение долгосрочного эффекта, заключающегося, прежде всего, в информационно-психологической безопасности общества. Следовательно, механизм, который призван решить эту задачу, должен быть соответствующим образом выстроен, начиная с его организационной структуры и заканчивая набором средств и каналов коммуникации.

Анализ путей достижения этой цели заложен в концепции стратегической коммуникации¹⁴, которая подразумевает, что все реальные меры, «дела» властных структур производят коммуникационный эффект, а не только «слова» или «образы», формируемые, к примеру, пропагандой. Этим обусловлено рассмотрение коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности

⁷ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

⁸ Sprinzak E. Right-wing terrorism in a comparative perspective. The case of split delegitimization // *Terrorism Studies. A Reader.* / ed. J. Horgan, K. Braddock. London – New York, 2012.

⁹ Пайпс Д. Новый британский экспорт: исламистский терроризм // *National Review Online*: [сайт]. 03.08.2010. URL: ru.danielpipes.org/article/8727 (дата обращения: 24.01.2014); Морозов И. Л. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волжский, 2002 и др.

¹⁰ *The Handbook of Crisis Communication* / ed. W. T. Coombs, S. J. Holladay. Southern Gate, 2010; Fearn-Banks K. *Crisis Communication. A Casebook Approach*. 4th Edition. New York – London, 2011.

¹¹ Koraeus M. *Who Knows? The Use of Knowledge Management in Crisis*. Elanders – Vällingby, 2008.

¹² *Журналистика и СМИ против террора*. М., 2009.

¹³ Пашенцев Е. Н. *Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация*. М., 2012.

¹⁴ Paul Ch. *Strategic Communication: Origins, Concepts and Current Debates*. Santa Barbara, 2011; Wolska-Liśkiewicz E. *Strategic Communication of DAESH*. Paper for the conference “Contemporary System of Combating Terrorism in Poland and the World”. Hotel Presidential in Rzeszow, Poland, May 18 – 20, 2016. *Blueprint*; Missiroli A., Andersson J. J., Gaub F., Popescu N., Wilkins J.-J. et al. *Strategic Communications. East and South*. EU Institute for Security Studies Report №30. July 2016; Пашенцев Е. Н. *Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация*. М., 2012 и др.

как части стратегической коммуникации. При осуществлении стратегической коммуникации важен сам характер организации-коммуникатора, ее структура. Это обусловило постановку в диссертации сформулированного Г. Лассуэллом вопроса «Кто говорит?»¹⁵ и обращение для ответа на него к теории политических сетей¹⁶, а также к историко-генетическому методу.

В работе применяется также метод компаративного анализа – при рассмотрении общих и особенных черт коммуникационных стратегий террористических организаций, стратегий коммуникации с целевыми аудиториями европейских и национальных ведомств. Сравнительно-исторический метод использовался для выявления факторов формирования террористических организаций и лояльных им групп населения, для определения соответствия методов борьбы с терроризмом объективному экономическому, социальному, политическому положению в регионе в рассматриваемый период. Применены некоторые методы социологического исследования – интервью, метод экспертных оценок. Автором были получены консультации российских и зарубежных специалистов по проблемам безопасности, борьбы с терроризмом, коммуникации.

Источниковая база исследования

В диссертации представлены открытые документы и материалы, которые, в зависимости от их происхождения, можно разделить на несколько групп.

- *Официальные публикации ООН, ведомств Европейского Союза, в которых обсуждается проблема терроризма и противодействия ему.*

Чтобы оценить степень террористической угрозы в отдельных странах ЕС и в Союзе в целом, проанализировать процесс институционализации борьбы с терроризмом после 11 сентября 2001 г., использовались публикации ведомств ЕС – Европола, Евроюста, Интсена и Координатора ЕС по борьбе с терроризмом¹⁷, а также соответствующих отделов международных организаций – Комитета экспертов по борьбе с терроризмом Совета Европы (КОДЕКСТЕР), ОБСЕ¹⁸. При

¹⁵ Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // İletişim kuram ve araştırma dergisi [Communication Theory Research Journal]. – 2007. – Issue 24. – P. 215 – 228.

¹⁶ Громогласова Е. С. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском Союзе // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – №23; Саворская Е. В. Роль политических сетей в ЕС // Мировое развитие. – Выпуск 12. Европейский союз в формирующемся миропорядке / отв. ред. Ю. Д. Квашнин, Н. В. Тоганова. М., 2014; Стрежнева М. В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. – 2008. – Том 6. – №1(16).

¹⁷ EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2007 – 2016. The Hague: Europol, 2007 – 2016; History of Europol // Europol: [website]. URL: www.europol.europa.eu/content/page/history-149 (accessed: 22.01.2014); Eurojust's Multi-annual Strategic Plan 2012 – 2014 (MASP). The Hague, 2012; Interview with Gilles de Kerchove, EU Counter-Terrorism Coordinator // Eurojust News. – 2009. – Issue 1 и др.

¹⁸ Country profiles on counter-terrorist capacity // Council of Europe: [website]. URL: www.coe.int/t/dlapil/codexter/4_Theme_Files/Country_Profiles/default_en.asp#TopOfPage (accessed: 08.01.2014); Борьба с терроризмом и защита прав человека. Руководство. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2009; Антитеррористическое подразделение // ОБСЕ: [сайт]. URL: www.osce.org. (дата обращения 22.07.2011); Положение о контртеррористической сети ОБСЕ. Маастрихт, 2003; Ежегодный доклад ОБСЕ 2010 и др.

анализе сфер деятельности координирующих структур были использованы отдельные источники Интерпола¹⁹.

- *Официальные публикации государственных органов управления и антитеррористических структур отдельных стран ЕС.* Для рассмотрения коммуникационных стратегий государств-членов использовались открытые публикации антитеррористических ведомств Германии, Великобритании, Франции, Италии²⁰, статистические данные, законодательные акты отдельных стран ЕС²¹.

- *Прокламации, коммюнике, интервью, брошюры, книги лидеров и сторонников террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Европейского Союза.* Исследовались публикации подобного рода документов в тематических сборниках, материалы интернет-сайтов и форумов. Одним из наиболее масштабных источников данной группы можно назвать манифест террориста-одиночки А. Брейвика²². Встречаются в открытом доступе публикации (тексты книг, брошюр, заявления), содержащие экстремистские призывы под квазирелигиозными лозунгами²³. Использовался также ряд материалов организаций ультралевого²⁴ и ультраправого²⁵ толка.

- *Материалы печатных, телевизионных и интернет-СМИ*²⁶ позволяют выделить основные ошибки при освещении террористической деятельности. Зачастую СМИ предоставляют материалы об истории той или иной террористической группы, описывают или подробно анализируют ее послания общественности, а также предоставляют статистику террористической угрозы.

¹⁹ FAQs // Interpol: [website]. URL: www.interpol.int/FAQs (accessed: 22.01.2014); Interpol opens liaison office at Europol headquarters // Interpol: [website]. 27.08.2007. URL: www.interpol.int/News-and-media/News-media-releases/2007/N20070827b (accessed: 22.01.2014) и др.

²⁰ Verfassungsschutzberichte 2006 – 2011. Köln, 2007 – 2012; Autonome Szene im Freistaat Sachsen. Landesausschuss für Verfassungsschutz (LfV) Sachsen. Dresden, 2004; Domestic Extremism // Security Service MI5: [website]. URL: www.mi5.gov.uk/output/domestic-extremism.html (accessed: 27.03.2013); A Strong Britain in an Age of Uncertainty: The National Security Strategy. London, 2010 и др.

²¹ Gewaltbereite Linksextremisten (Autonome) // Bundesamt für Verfassungsschutz: [Webseite]. URL: www.verfassungsschutz.de (дата обращения 30.09.2009); LOI №2006-64 du 23.01.2006 relative à la lutte contre le terrorisme et portant dispositions diverses relatives à la sécurité et aux contrôles frontaliers // Journal officiel de la République Française. 24.01.2006. Texte 1 sur 110 и др.

²² Berwick A. 2083. A European Declaration of Independence. London, 2011: [website]. URL: www.kevinislaughter.com/wp-content/uploads/2083-+-A+European+Declaration+of+Independence.pdf (accessed: 20.03.2013).

²³ al-Almani A. U. Die modernen Strategien der Kuffār und Murtaddīn zur Bekämpfung des Islām von innen // Millatu Ibrahim: [Webseite]. URL: millatu-ibrahim.com (Behandlungsdatum: 29.03.2013); al-Awlaki A. Der Staub wird sich niemals legen // Scribd: [Webseite]. URL: de.scribd.com/doc/94962386/Der-Staub-Wird-Sich-Niemals-Legen-Shaykh-Anwar-Al-Awlaqi (Behandlungsdatum: 20.06.2012) и др.

²⁴ Contribution pour un débat au sein du mouvement anarchiste et anti-autoritaire (5 mars 2005) // Agence Presse Associative (APA): [website]. URL: apa.online.free.fr/article.php3?id_article=238 (accessed: 27.03.2013); Dokumentation X. Texte der Militanten Gruppe (MG) von 2001 bis 2007 [Die elektronische Ressource] и др.

²⁵ Blood & Honour – Great Britain [website]. URL: www.bloodandhonour-worldwide.co.uk (accessed: 28.03.2013); Hammerskin Nation: [website]. URL: www.hammer-skins.net/?COLLCC=2895023558& (accessed: 28.03.2013); Redwatch: [website]. URL: www.redwatch.info/ (accessed: 30.03.2013) и др.

²⁶ Bechtold S. Linke Gewalt schreckt deutsche Politik auf // Der Spiegel. 29.12.2009; Demo in Dänemark // Der Spiegel. – 2011. – №51; Operation Geronimo // Stern. – 2011. – №19; MI6 attacks al-Qaeda in “Operation Cupcake” // The Telegraph: [website]. 02.06.2011. URL: www.telegraph.co.uk/news/uknews/terrorism-in-the-uk/8553366/MI6-attacks-al-Qaeda-in-Operation-Cupcake.html (accessed: 28.03.2013) и др.

• *Материалы политических партий, общественных и религиозных организаций*²⁷, действующих как на территории ЕС, так и за его пределами, но затрагивающих исследуемую проблему. Издания левых партий и общественных организаций позволяют разграничить представителей левого движения и ультралевые группы. Материалы религиозных организаций позволяют отличить положения террористической пропаганды от религиозных догматов.

• *Экспертные оценки.* В данной группе источников важное место занимают печатные публикации и электронные ресурсы²⁸ центров Европы и США по проблемам терроризма. Были получены консультации специалистов по проблемам терроризма, безопасности и коммуникации из России, Австралии, Австрии, Болгарии, Великобритании, Греции, Италии, Сербии, США, Турции, Швеции.

Степень научной разработанности темы

Литературу, в которой нашли отражение объект и предмет исследования, можно подразделить на несколько тематических разделов.

• *Политологические, социологические и исторические исследования ситуации в ЕС и отдельных его странах в исследуемый период.*

Многосторонний анализ экономических, политических, социальных условий в ЕС и отдельных его странах представлен, в частности, в трудах специалистов Института Европы РАН²⁹, ИНИОН РАН³⁰, других отечественных и зарубежных исследователей. Важным подспорьем явились исследования истории и политики отдельных стран Европы³¹ и ЕС в целом, показывающие в динамике развитие политической системы.

• *Общие работы по проблемам безопасности и исследования системы безопасности Европейского Союза*³².

²⁷ You are a terrorist! A campaign against terrorists: [Website]. URL: www.dubistterrorist.de/en/ (accessed: 14.03.2010); About Page // Nothing British: [website]. URL: www.nothingbritish.com/new-page-1/ (accessed: 28.03.2013); Левые и новый терроризм // Интернет-журнал «Социалист»: [сайт]. URL: www.socialistinfo.ru/norubric/16.html (дата обращения: 27.03.2013) и др.

²⁸ Ежегодник СИПРИ 2002 – 2006. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2003 – 2007; материалы центра изучения и обучения кризисному управлению Крисмарт при Национальном колледже обороны Швеции и др.

²⁹ Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной. М., 2012; Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой. М., 2011; Германия. Вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. М., 2009; Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под ред. А. А. Громыко, Е. В. Ананьева. М., 2014; Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / под ред. А. А. Громыко. ДИЕ РАН №292. М., 2013; Потемкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. М., 2011 и др.

³⁰ Восточная Европа в начале XXI века / отв. ред. Ю. И. Игрицкий. М., 2004; Лыкошина Л. С. Польские правые на пороге XXI в.: Аналит. обзор / отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2004 и др.

³¹ Барабанов О. Н. Закат ЕС: лицемерие и реалии 2015 года // Пространство и Время. – 2015. – №4(22); Гуськова Е. Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия-Балканы-Поволжье. Самара, 2008; Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004; A Military History of Modern Spain: from the Napoleonic era to the international war on Terror / ed. W. H. Bowen, J. E. Alvarez. Westport, Connecticut – London, 2007 и др.

³² Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности. М., 2010; Журкин В. В. Евро-союз в XXI веке: европейская политика безопасности и обороны. ДИЕ РАН №170. М., 2005; Гриневский О. А., Громыко А. А. Проблемы экстремизма и терроризма в Европе: причины и следствия. ДИЕ РАН №239. М., 2009; Европейский Союз и региональные конфликты / отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М.

В этой категории можно назвать ряд изданий Национального антикриминального и антитеррористического фонда, а также работы, посвященные проблеме безопасности в ЕС, в частности, труд ИЕ РАН³³, в котором обсуждаются недостаток системного подхода к антитеррористической борьбе, различия между обещаниями и реальными действиями мирового сообщества в области противодействия терроризму и экстремизму. Также следует отметить ряд публикаций по общим проблемам безопасности, в частности, работы В. М. Сергеева, Л. С. Воронкова, А. И. Смирнова, В. Ф. Пряхина. Среди зарубежных работ по проблемам безопасности использовалась монография британского специалиста Э. Котти³⁴, ряд статей по проблемам безопасности³⁵.

• *Общие работы по проблемам терроризма, его истории, а также труды, посвященные деятельности силовых структур в антитеррористической сфере*, как в ЕС в целом, так и в отдельных его странах.

В ряде исследований дана классификация террористических организаций и направлений их деятельности, обзор основных угроз, исходящих от терроризма, психологии террористов³⁶. Среди отечественных авторов можно отметить В. А. Соснина и Т. А. Нестика, А. А. Мкртычяна, А. И. Никитина, Н. В. Лукина, В. Е. Петрищева и др., среди зарубежных – Ф. Мохаддама, М. Сейджмана, Дж. Саймона, Б. Г. Тамма и др. Идеологический аспект терроризма подробно проработан в статьях А. С. Куликова, А. А. Королева, В. В. Маркина, А. В. Роговой, Э. Н. Ожиганова, А. Е. Сафонова, О. М. Нечипоренко, М. В. Петрова, А. А. Слинько³⁷ и др. Геополитическое значение проблемы терроризма рассматривают А. И. Поздняков и И. В. Бочарников.

Кокеев. М., ИМЭМО РАН, 2011; Новое пространство мировой политики: взгляд из США / под общей ред. В. М. Сергеева и Е. С. Алексеенковой. М., 2011; Воронков Л.С. О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – №4. – С. 98 – 105 и др.; Смирнов А. И, Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М., 2012; Пряхин В. Ф. Роль Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве в ближнем зарубежье. Политологический анализ. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора полит. наук. М., 2002; Данилов Д. А. Договор о европейской безопасности в контексте треугольника ЕС–США–НАТО // Индекс безопасности. – 2010. – Т. 16. – № 3. – С. 67 – 80 и др.

³³ Безопасность Европы / под ред. В. В. Журкина. М., 2011.

³⁴ Cottey A. Security in the New Europe. Basingstoke, 2007.

³⁵ Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. – 2009. – №2 (24); Бэннерман Э., Граббе Х., Грант Ч. и др. Европа после 11 сентября 2001 года: Сборник статей. М., 2002; Kamal Pasha M. Islam, nihilism and liberal secularity // Journal of International Relations and Development. – 2012. – Volume 15. – №2 и др.

³⁶ Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / под ред. А. В. Возженикова. М., 2007; Россия, ЕС и международный терроризм / отв. ред. Н. К. Арбатова. М., 2004; Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М., 2009; Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / под ред. В. В. Ященко. М., 2007 и др.

³⁷ Маркин В. В., Роговая А. В. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. – 2012. – № 11, 12; Нечипоренко О. М. Избыточная информация о террористических угрозах как элемент напряженности в обществе // Институты гражданского общества против глобализации преступности и терроризма. М., 2008; Слинько А. А. Политический экстремизм и террористическая война в панораме истории. Воронеж, 2006; Поздняков А. И. Международный терроризм как средство геополитики // Геополитика: теория, история, практика. – 2012. – №1;

Специфику различных форм терроризма, его роль в асимметричных конфликтах, идеологическую основу терроризма рассматривает Е. А. Степанова, выделяющая в своих работах квазирелигиозные террористические группы³⁸. Необходимо также упомянуть исследования возможностей противодействия терроризму, такие, как работы О. А. Колобова, С. С. Веселовского, В. И. Батюка, Е. П. Ильина, С. И. Грачева, О. В. Нардиной³⁹.

Примеры общности риторики террористических организаций разного толка приводят Дж. Майкл и Б. Раберт⁴⁰. Детальный обзор антитеррористической политики Германии в 2001 – 2008 гг. содержит исследование В. Н. Павловой⁴¹. Работы Дж. Номикоса, Д. Хансена, К. фон Хиппель, М. ван Лёвен, М. Вэйд, А. Малевича, Т. Критцмана, Р. М. Герехта и Г. Шмитта, Д. Кеохейна, Т. Бонка, С. Зюнклера, Л. Томпсона и др.⁴² посвящены истории и современному положению антитеррористических структур в ЕС и его отдельных странах. Экономический аспект терроризма исследуют П. Кругман, Л. Наполеони, Г. Хаслеруд, Б. С. Транёй, Ф. Перри⁴³ и др.

• *Работы, посвященные отдельным террористическим организациям.*

Ввиду существенного спада активности ультралевых террористических организаций в начале XXI в., исследования в этой области немногочисленны. М. Мареш, А. Банутсос прослеживают историю ультралевого терроризма в Европе с середины XX в. до настоящего времени⁴⁴. Представления об источниках формирования идеологии ультраправого терроризма дает коллективное исследова-

Бочарников И. В. Террористическая группировка «Исламское государство» как закономерное следствие ближневосточной стратегии США // Геополитический журнал. – 2016. – №1 (13) и др.

³⁸ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects. SIPRI Research Report №23. Oxford, 2008. P. 64.

³⁹ Колобов О. А., Колобов А. О. Технологии контртеррора и особенности их применения правящими кругами США в рамках арабо-израильского конфликта // Вестник ННГУ. – 2011. – №2; Батюк В. И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2008. – №1 Ильин Е. П. Опыт организации мероприятий по противодействию идеологии терроризма // Вестник НАК. – 2015. – №1(12) и др.

⁴⁰ Michael G. The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right. University Press of Kansas, 2006; Rabert B. Links- und Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland von 1970 bis heute. Bonn, 1995.

⁴¹ Павлова В. Н. Современная политика ФРГ в сфере борьбы с международным терроризмом (2001 – 2008 гг.). Дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009.

⁴² Nomikos J. M. Greek Intelligence Service (NIS-EYP): Past, Present and Future // National Security and the Future. – 2008. – №1 – 2 (9); Hansén D. Crisis and Perspectives on Policy Change: Swedish Counterterrorism Policymaking. Vällingby. 2007; Bąk T. Systemy antyterrorystyczne państw Unii Europejskiej. Rzeszów – Szczecin, 2015 и др.

⁴³ Napoleoni L. Modern Jihad. Tracing the Dollars behind the Terror Networks. London, 2003; Haslerud G., Tranøy B. S. Fighting Terrorist Finance – Issues, Impacts and Challenges. Kjeller, 2005; Zerzan A. New Technologies, New Risks? Innovation and Countering the Financing of Terrorism (World Bank Working Papers). Washington, D.C., 2010 и др.

⁴⁴ Mareš M. Extreme Left Terrorism in Contemporary Europe // Central European Political Studies Review. – 2007. – Volume IX. – Part 4; Banoutsos A. Mapping The Development of Anti-Terror Legislation in Greece in the Aftermath of 9/11. RIEAS Research Paper №120. London, 2008.

ние под редакцией А. Маммоне, Э. Годена и Б. Дженкинса⁴⁵. Теракты А. Брейвика актуализировали проблему исследований терроризма одиночек⁴⁶.

Больше всего исследований в данной группе посвящено квазирелигиозным террористическим организациям. Основная часть европейских и американских исследователей проблемы квазирелигиозного терроризма характеризует его как «джихадистский» или «исламистский»⁴⁷. На наш взгляд, в исследовании террористической деятельности первоочередными критериями оценки являются экономическая и политическая составляющая.

• *Исследования коммуникационного аспекта проблемы терроризма.*

Терроризм как вид коммуникации рассматривает в своих работах Д. А. Журавлев⁴⁸. Важными представляются работы по социальной психологии, в которых анализируется влияние терактов на общественное мнение⁴⁹. Различные подходы к исследованию коммуникационного аспекта терроризма представляют Б. Накос, К. Бокштетте, К. Экзу, М. Креншоу, Б. Зелизер, С. Д. Мёллер, Р. Крелинстен, Г. Вейманн, У. Куэста⁵⁰ и др. Монография под редакцией Э. Сильке⁵¹ посвящена развитию психологических инструментов борьбы с терроризмом. Значительную долю исследований данной группы составили работы, посвященные коммуникации квазирелигиозного терроризма.

• *Исследования в области коммуникационного менеджмента, связей с общественностью, пропаганды, информационно-психологического противоборства.*

Анализ подходов данных авторов помогает проанализировать основные методы и технологии коммуникации, используемые как террористами, так и анти-террористическими ведомствами. Рекомендации по ведению кризисных коммуникаций даны в работах Д. Ньюсома, Дж. ван Слайк Тёрк, Д. Крукеберга, Т. Кумбса, М. Кореуса, С. Ларссон, Е.-К. Ольссон, Б. Рамберг, А. Замана⁵² и др. Инструментарий и специфика информационно-психологического противобор-

⁴⁵ Varieties of Right-Wing Extremism in Europe / ed. A. Mammone, E. Godin, B. Jenkins. Abingdon, 2013.

⁴⁶ Pantucci R. What Have We Learned about Lone Wolves from Anders Behring Breivik? // Perspectives on Terrorism. – 2011. – Volume 5. – Issues 5 – 6; Bakker E., de Graaf B. Preventing Lone Wolf Terrorism: some CT Approaches Addressed // Perspectives on Terrorism. – 2011. – Volume 5. – Issues 5 – 6.

⁴⁷ Bakker E. Jihadi terrorists in Europe, their characteristics and the circumstances in which they joined the jihad: an exploratory study. Clingendael, 2006; Michael G. The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right. Lawrence, 2006; Thamm B. G. Terrorbasis Deutschland. Die islamistische Gefahr in unserer Mitte. München, 2004 и др.

⁴⁸ Журавлев Д. А. Международный терроризм в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики. Дис. на соискание ученой степени канд. полит. наук. М., 2011.

⁴⁹ Белоножкин В. И., Остапенко Г. А. Информационные аспекты противодействия терроризму. М., 2011; Кузнецов Д. В. События 11 сентября 2001 года и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009; McKinley M. Filtering IR: What Students Should be Taught at University and Why it Won't Be – The Case of International Terrorism. Paper presented at the CEEISA 9th Convention, Jagiellonian University, Krakow, Poland, 21st September 2012 и др.

⁵⁰ Nacos B. L. Mass-Mediated Terrorism. The Central Role of the Media in Terrorism and Counterterrorism. New York – Oxford, 2002; Bockstette C. Jihadist Terrorist Use of Strategic Communication Management Techniques. The Marshall Center Occasional Paper Series. №20. December 2008; Crenshaw M. Explaining Terrorism: Causes, processes and Consequences. New York, 2011 и др.

⁵¹ The Psychology of Counter-Terrorism / ed. A. Silke. London – New York, 2011.

⁵² Ньюсом Д., Тёрк ВанСлайк Дж., Крукеберг Д. Всё о PR. Теория и практика публик рилейшнз. 7-е изд. М., 2001; Koraeus M. Who Knows? The Use of Knowledge Management in Crisis. Elanders – Vällingby, 2008; Заман А. Репутационный риск. М., 2008 и др.

ства тщательно проанализированы в работах В. Б. Вепринцева, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролова, Г. Саймонза, Г. Г. Почепцова, Л. Г. Истягина, А. М. Цуладзе⁵³ и др. Различные направления коммуникационного менеджмента анализируют в своих работах Т. М. Орлова, Т. В. Щербакова, В. Валчанова, О. В. Карбасова, О. С. Полунина⁵⁴. Проблему ксенофобии в СМИ рассматривает В. А. Тишков⁵⁵. Активно использовались исследования проблемы стратегической коммуникации, проведенные Е. Н. Пашенцевым, Е. А. Виноградовой, а также исследования публичной и цифровой дипломатии С. М. Виноградовой, Д. А. Рущина, Н. А. Цветковой, К. А. Панцерева⁵⁶ и др., позволяющие раскрыть отдельные аспекты стратегической коммуникации.

Можно выделить ряд основных существующих научных подходов к предмету диссертационного исследования:

- Системный подход, представители которого выделяют совокупности общественно-политических и экономических факторов формирования террористической угрозы. Соответственно, поиск решений в борьбе с терроризмом следует проводить в области политических и экономических решений, которые бы, прежде всего, сами по себе проецировали в общественное сознание новые ценности, решая насущные проблемы граждан.

- Управленческий подход. Его представители исследуют исторические факторы формирования терроризма, но занимаются поиском решений в более узкой сфере, продумывая управленческие решения, повышающие эффективность отдельных государственных институтов и общественных организаций в плане противостояния террористической угрозе.

- Коммуникационный подход, в рамках которого исследователи ставят цель исследовать процесс и механизмы коммуникации террористических организа-

⁵³ Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2009; Simons G. Mass Media and Modern Warfare. Farnham, 2010; Почепцов Г. Г. Информационные войны. М. – Киев, 2001 и др.

⁵⁴ Орлова Т. М. Коммуникационный менеджмент в управлении экономическими системами. Дис. на соискание ученой степени доктора экон. наук. М., 2002; Щербакова Т. В. Внешняя политика США 90-х годов XX века: коммуникационный аспект. М., 2006; Valtchanova V. Implications of cloud culture for communication management // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 37. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/37_2013valtchanova175.htm (дата обращения: 10.11.2013); Полунина О. С. Становление и развитие современной системы связей с общественностью в Великобритании 1992 – 2005 г.г.: Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2008 и др.

⁵⁵ Тишков В. А. СМИ и ксенофобия // В. А. Тишков: [сайт]. URL: www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/stati_nov.html (дата обращения: 21.07.2014).

⁵⁶ Пашенцев Е. Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012; Виноградова Е. А. Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС). Дис. на соискание ученой степени канд. полит. наук. М., 2015; Виноградова С. М., Рущин Д. А. Политические технологии и публичная дипломатия в российском политическом маркетинге // Ноосферное образование в евразийском пространстве. – Т. 5 / под науч. ред. А. И. Субетто. СПб., 2015; Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник СПбГУ. – 2013. – Серия 6. – Вып. 1; Панцеров К. А. Информационная политика стран Тропической Африки в условиях глобализации мирового порядка. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора полит. наук. СПб., 2011; о коммуникационном аспекте «мягкой силы» см.: Шевченко А. В. Управление семантическим пространством: инструменты и эффекты // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / ред. Е. Г. Борисова. М., 2015 и др.

ций с целевой аудиторией и найти средства нейтрализации террористов именно в коммуникационном пространстве.

- **Технический подход.** Исследователи данной группы уделяют наибольшее внимание техническим средствам и каналам коммуникации и разрабатывают, прежде всего, меры, ограничения влияния террористов, лежащие в плоскости информационной безопасности.

Лучшие представители всех четырех групп, среди которых – и многие из упоминавшихся выше, выходят в своих работах за рамки перечисленных подходов. Пересечение подходов говорит о важности коллективных исследований с применением специальных знаний каждой группы экспертов.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- разработано авторское определение коммуникационного обеспечения анти-террористической деятельности как компонента стратегической коммуникации;
- исследован опыт европейских и национальных антитеррористических ведомств как акторов стратегической коммуникации ЕС;
- дана комплексная оценка коммуникационного обеспечения работы европейских и национальных антитеррористических ведомств;
- выявлен характер коммуникации ультралевых, ультраправых и квазирелигиозных террористических организаций, действующих на территории ЕС после 2001 г.;
- выявлена специфика коммуникационного обеспечения борьбы с тремя рассмотренными ветвями терроризма на материалах европейских органов и антитеррористических структур государств-членов;
- введено в научный оборот большое количество источников по теме исследования, ранее не использовавшихся в отечественной литературе.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в методологию исследования стратегической коммуникации государства или межгосударственного образования, выделением в качестве ее составной части коммуникационного обеспечения мер в той или иной сфере государственной политики. Анализ структурных особенностей антитеррористических ведомств, их связей друг с другом, с другими властными органами и широкой общественностью, сочетается с исследованием коммуникационного эффекта практических мер в борьбе с терроризмом, используемых средств и каналов коммуникации, содержания транслируемых сообщений. Подобный комплексный подход позволяет расширить рамки существующих представлений о борьбе с терроризмом посредством коммуникации.

Практическая значимость работы

Использование результатов исследования возможно при разработке коммуникационных стратегий защиты государства или межгосударственного образования, предприятий реального сектора экономики от террористической угрозы, при формировании элементов корпоративной культуры, направленных на предотвращение и минимизацию воздействия террористической пропаганды на сотрудников предприятий. Материалы диссертации могут использоваться в рабо-

те Минобороны, ФСБ, при анализе действий подразделений, осуществляющих коммуникационное противодействие террористической угрозе.

Эмпирический материал, выводы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по политологии, новейшей истории стран Европы, социологии, а также в процессе преподавания курсов политологии, новейшей истории, социологии, спецкурсов по истории терроризма и антитеррористической деятельности.

Апробация исследования

Основные положения диссертации отражены в пятидесяти пяти публикациях общим объемом более 60 п. л., в том числе: в четырех монографиях (из них две – в соавторстве), двадцати пяти статьях в изданиях, рекомендованных ВАК, двадцати двух статьях (в том числе шесть – в зарубежных изданиях – в Великобритании, Греции, Сербии, Финляндии), четырех тезисах научных докладов (в том числе трех – в зарубежных изданиях), а также в отчетах по научно-исследовательским работам в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Результаты докладывались на российских и международных научных конференциях и семинарах в России, Австрии, Великобритании, Польше, Португалии, Румынии, Турции, Финляндии, Чехии, Швеции, Эстонии, в том числе на научно-практическом семинаре специалистов Международного центра социально-политических исследований и консалтинга в ОБСЕ «Модели коммуникационного противодействия терроризму» (при поддержке Антитеррористического подразделения ОБСЕ, Вена, Австрия, 28 апреля 2010 г.), 12-й европейской конференции «Информационное противоборство и безопасность» (Университет г. Ювяскюля, Финляндия, 11 – 12 июля 2013 г.). Диссертант руководила организацией двух научных семинаров «СМИ, конфликты и проблемы мира» на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова с участием сотрудников посольства Венесуэлы, а также специалистов Национального антикриминального и антитеррористического фонда, входила в программный комитет международной конференции «Современная система борьбы с терроризмом в Польше и в мире» (18 – 20 мая 2016 г., Институт изучения терроризма Высшей школы информатики и менеджмента в Жешуве, Институт анализа рисков, Польша). Исследование было апробировано в ходе работы диссертанта в качестве члена редакционной коллегии «Журнала по исследованию разведки в странах Средиземноморья и Балканского полуострова» (*Journal of Mediterranean and Balkan Intelligence* (JMBI) Института по изучению Европы и Америки (Research Institute for European and American Studies (RIEAS), Афины, Греция).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии. **Во введении** обосновывается актуальность избранной темы, определены объект, предмет, цель и задачи, методологические принципы и научная новизна исследования; его теоретическая и практическая значимость; выдвинуты положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Коммуникационный фактор террористической деятельности и значение коммуникации в борьбе с терроризмом» содержит анализ основных понятий, используемых в исследовании, а также угроз информационно-психологической безопасности общества, связанных с террористической деятельностью, теоретических и практических подходов к их минимизации.

В первом параграфе «Обоснование понятийного аппарата исследования» дано авторское определение коммуникационного обеспечения, а также рассмотрен ряд смежных понятий, таких, как пропаганда, информационное обеспечение, коммуникационный менеджмент. Обосновано выделение на основе идеологии трех исследуемых в диссертации ветвей терроризма – ультралевой, ультраправой и квазирелигиозной. В XXI в. этнорегиональные партии (северо-ирландская Шинн Фейн и баскская «Батасуна») «смогли ... способствовать первым шагам к отказу соответственно ИРА и ЭТА от насильственных методов борьбы»⁵⁷, но, хотя в исследуемый период на первый план выходит деятельность террористических организаций с другими мотивами, сепаратистские группы могут активизироваться в будущем под влиянием сохраняющихся политических противоречий в Европе.

На неотделимость коммуникационного аспекта от самой сути террористической деятельности указывает целый ряд определений терроризма, в том числе данное в Рамочном решении Совета ЕС от 13 июня 2002 г. (дополнено 28 ноября 2008 г.). Террористическими считаются действия, совершенные с целями запугать население; незаконно заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие, дестабилизировать или разрушить основные структуры государства⁵⁸. В дополнениях 2008 г. подчеркнут коммуникационный аспект терроризма: преступными действиями стали публичная провокация, подстрекательство к совершению террористических преступлений, вербовка и обучение террористов⁵⁹, в том числе с помощью современных средств связи. Данное определение терроризма используется в диссертации как основное.

В параграфе разграничены понятия информационного и коммуникационного обеспечения. Информационное обеспечение включает, прежде всего, техниче-

⁵⁷ Швейцер В. Я. Европейские партии этнорегионального толка: проблемы и перспективы // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / ред. В. Я. Швейцер. М., 2006. С. 193.

⁵⁸ Council Framework Decision of 13.06.2002 on combating terrorism (2002/475/JHA) (OJ L 164, 22.6.2002, p. 3). Amended by: Council Framework Decision 2008/919/JHA of 28.11.2008. 09.12.2008. Article 1. См. также: Потемкина О. Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. М., 2011. С. 196 – 197.

⁵⁹ Council Framework Decision 2008/919/JHA of 28.11.2008. L 330. 09.12.2008. Article 1.

ский аспект коммуникации. Коммуникационное обеспечение в контексте темы настоящего исследования предполагает более широкий спектр мер⁶⁰, направленных на адекватное понимание передаваемого сообщения аудиторией, трудность (в идеале – невозможность) его искажения террористами и их сторонниками, повышение доверия к антитеррористическим структурам, привлечение граждан к участию в превентивных антитеррористических мерах.

Коммуникационное обеспечение позволяет сформировать систему связей государственных и общественных институтов, способную при должной степени развития лишить терроризм его социальной базы. Тем более, в общественном сознании в период «холодной войны» сложилась устойчивая негативная коннотация терминов «пропаганда» и «контрпропаганда». Кроме того, оба эти термина традиционно использовались для обозначения управления общественным мнением преимущественно с помощью слов и образов, тогда как в условиях глобального экономического и политического кризиса актуальным становится управление общественным мнением и поведением с помощью реальных дел.

Для преодоления ограниченности термина «пропаганда» используются, в частности, термины «коммуникационный менеджмент», «информационные операции», «психологические операции», «информационная война». Однако термин «информационные операции» отличается значительно бóльшим акцентом на военно-техническом аспекте, нежели на координации работы с целевыми аудиториями в целях предотвращения рисков. В отличие от терминов «информационная война», «психологическая война» и «психологические операции», которые относятся к подрывной, деструктивной деятельности, термин «коммуникационное обеспечение» означает и позитивную, созидательную деятельность, реализуемую с помощью слов, образов, и (даже преимущественно) реальных дел. Термин «коммуникационный менеджмент» не может быть применен для обозначения коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом в ЕС, так как технологии управляющего воздействия в этой сфере являются пока не до конца проработанными.

Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности можно считать частным проявлением стратегической коммуникации – проецирования государством в массовое сознание стратегических ценностей, интересов и целей путем синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с профессиональным коммуникационным сопровождением⁶¹. Определяющим качеством стратегической коммуникации является «синхронизация слов» (пропаганды) «и дел» (долгосрочной государственной политики) и то, как они будут восприняты отобранными аудиториями.

Второй параграф «Воздействие терроризма на общественное мнение: угрозы информационно-психологической безопасности общества» посвящен проблеме методов и деструктивных последствий самих терактов и террористической пропаганды. Террористический акт является примером кризисной ситуа-

⁶⁰ В числе этих мер – информационно-психологическая поддержка общественно-политического и межкультурного диалога, формирование широких экспертных сетей, системный научный анализ ситуации, разработка управленческих решений с учетом их влияния на общественное сознание и др.

⁶¹ Пашенцев Е. Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. М., 2012. С. 254.

ции, в которой аудитория постоянно нуждается в информации об уровне угрозы жизни, здоровью, экономическому благополучию. На этом этапе существует опасность для граждан подвергнуться воздействию манипуляций в СМИ, социальных сетях и т. п., способных нарушить психофизическую безопасность государства и общества. Террористы создают коммуникационные цепочки управления общественным мнением – цепи событий, которые с помощью СМИ и других каналов коммуникации оказывают воздействие на общественность или отдельных ключевых лиц. После терактов лидеры страны прерывают дела, чтобы сделать соответствующие заявления, усиливаются меры безопасности, что может демонстрировать общественности слабость властей; возрастает число граждан, поддерживающих использование военной силы в «войне с террором», что дополнительно ставит государство под удар террористов.

Терроризм оказывает воздействие на целый ряд целевых аудиторий: это государственные власти и силовые структуры, общественные организации, реальные или потенциальные террористы, «инвесторы», финансирующие теракты; протестное движение, деятели культуры и искусства; все население страны. Идеи общественных преобразований, высказываемые террористическими организациями, представляют собой искаженные положения марксистской идеологии, идей национально-освободительных движений, религиозных школ. Фашизм же без искажений является идеологией насилия и органично вписывается в программно-теоретические установки праворадикальных организаций.

Террористическая пропаганда провоцирует разделение общества на замкнутые группы, что облегчает управление целевыми аудиториями. Так «Аль-Каида» подчеркивает чуждость мусульманина западному обществу, призыв к изоляции от коренных европейцев, требует постоянной готовности принести себя в жертву. Квазирелигиозная террористическая пропаганда преподносит борьбу с терроризмом как войну против религии.

До терактов Андерса Брейвика экстремистская и террористическая пропаганда ультраправых, доступная в Интернете и СМИ, не содержала внятных призывов к общественным преобразованиям. По мнению А. Брейвика, необходимость радикальных изменений в Европе обусловлена факторами, среди которых – действительно возникшие нестабильность, раздутый бюрократический аппарат, злоупотребления властью⁶². Однако в итоге А. Брейвик конструирует традиционный для нацизма образ коллективного врага, которым провозглашаются иммигранты и левые. Идея «очищения» Европы от найденного врага становится центральной темой манифеста.

Ультралевая пропаганда включает революционную риторику наиболее часто. Итальянские ультралевые XXI в. используют протест против империализма, существовавший еще в программных документах террористических организаций 1970-х гг. Наибольшее внимание идее революции уделяется в доступных документах «Боевых групп» в Германии. Однако на их сайте *Dokumentation X* концентрируется внимание на вооруженных нападениях на представителей

⁶² Berwick A. Op. cit. P. 313 – 320.

власти низового уровня, например, поджогов полицейских участков⁶³, а не на анализе объективных исторических закономерностей. Группой делались заявления, которые однозначно свидетельствовали, что организация не обладает высокой способностью к теоретической работе, к примеру, о том, что политика государства находится в антагонизме с его экономическим устройством, что противоречит принципам марксизма.

Поиску решений, позволяющих снизить деструктивный коммуникационный эффект терроризма, посвящен *третий параграф «Подходы к проблеме коммуникации в антитеррористической деятельности: теоретические и практические аспекты»*.

В качестве инструмента оценки реакции властей и общества на террористические акты может быть использована классификация стратегий антитеррора в СМИ: 1) стратегия законодательного регулирования; 2) добровольного самоограничения; 3) общественного согласия⁶⁴. Стратегия общественного согласия, подразумевающая саморегулирование профессионалов СМИ и регулирование их деятельности государственными, некоммерческими и неправительственными структурами, представляется наиболее эффективной. Однако без выработки коммуникационной стратегии, которой бы пользовались как СМИ, так и сотрудничающие с ними институты, концепция антитеррора не избавится от внутренних противоречий.

Насущной проблемой в коммуникационной борьбе с терроризмом стало создание в СМИ медиаперсон из числа террористов. Еще одна опасность – манипулятивное использование подготовленных журналистами антитеррористических материалов в целях распространения террористической пропаганды (подача материалов в выгодном для террористов свете). В параграфе рассматриваются основные фазы террористических кампаний, сделаны рекомендации по минимизации ущерба от них в коммуникационном аспекте.

Выявить возможности и препятствия для формирования стратегической коммуникации ЕС и в ее рамках – коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом, помогает обращение к концепции политических сетей. Террористические группы создают сетевые структуры, требующие усилий по противодействию на глобальной уровне. В то же время существуют разногласия между государственными элитами, риски при делегировании полномочий транснациональным сетевым структурам с их мощными финансовыми связями.

Европейские органы используют экспертные и политические сети как подспорье в поиске баланса интересов государств-членов и самих институтов ЕС. Так как внутри сети никто никому не подчинен формально, решения непосредственно вырабатываются агентами, ответственными за их имплементацию⁶⁵,

⁶³ Anschlagserklärung 18. Mai 2007 // Militante Gruppe (mg). Interim. – №657. URL: mirror.so36.net/home.arcor.de/dokumentationX/texte/erklaerung_20070518_razzia.html (Behandlungsdatum: 20.03.2013).

⁶⁴ Вартанова Е. Л. Современные масс-медиа и терроризм: природа взаимоотношений // Журналистика и СМИ против террора. М., 2009. С. 21.

⁶⁵ См.: Стрежнева М. В. «Трансправительственные сети» в ЕС // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – №1(16).

что может повысить качество конечного продукта: вероятнее всего, он будет разработан профессионалами с соответствующей квалификацией. Сетевой принцип управления выходит на первый план при получении экспертных знаний, и коммуникация здесь играет главную роль. В связи с этим полезен опыт работы европейских экспертных сетей в области борьбы с терроризмом, рассмотренный во втором параграфе второй главы.

Вместе с тем, для определения меры эффективности сетевого подхода в антитеррористической деятельности представляется целесообразной оценка характера и уровня развития связей в рамках той или иной ветви терроризма. С точки зрения коммуникации само появление не только разветвленной сети контактов (и демонстрация ее возможностей), но и структур, по степени иерархичности близких к государственным может мобилизовать новых рекрутов к террористической деятельности, легитимизировать ее в глазах самих исполнителей. Для выяснения перспектив развития этой угрозы в пятой главе будут рассмотрены принципы коммуникации ИГИЛ, с деятельностью которой связан новый всплеск квазирелигиозного терроризма в 2015 г. Сложившаяся ситуация поставила перед ЕС вопрос о соотношении сетевого и иерархического принципов управления в сфере борьбы с терроризмом.

Одна из основных целевых аудиторий террористических групп – власти государств, на территории которых проводится теракт, – способна в силу разных факторов совершать спонтанные поступки, еще более дестабилизирующие государственную систему при отсутствии слаженного плана не только оперативных мер, но и кризисных коммуникаций. Описание квазирелигиозных террористических организаций в СМИ и научных публикациях как организаций религиозных не могло не создать определенные стереотипы негативного восприятия мусульман. Более эффективным представляется формирование публичного дискурса терроризма исключительно как явления, имеющего социально-политическую природу. При разработке алгоритмов реакции на теракт может применяться концепция менеджмента знаний, которая рассматривает кризисное управление как совокупность пяти задач: конструирование значений, принятие решения, конструирование содержания, завершение кризиса, изучение его последствий.

Вторая глава «Коммуникация с целевыми аудиториями в сфере борьбы с терроризмом в ЕС» содержит анализ коммуникационного аспекта борьбы с терроризмом в Европейском Союзе.

В первом параграфе «Роль коммуникационного обеспечения в работе ведомств, осуществляющих антитеррористическую деятельность в Европейском Союзе» проанализирована специфика коммуникации в европейских антитеррористических структурах. Это Координатор ЕС по борьбе с терроризмом, Европол, Евроюст и Центр анализа разведанных ЕС (Интсен).

Анализ полномочий Координатора ЕС по борьбе с терроризмом показывает, что они содержат существенный компонент связи между антитеррористическими ведомствами – *по сути, коммуникационной функции* (сбор, анализ и распределение информации, представление органов ЕС на международной арене). Поддержка публичного имиджа Координатора осуществляется его пресс-

секретарем, однако основой блок источников, дающих представление о коммуникационных задачах (развитие сотрудничества Союза и государств-членов с другими странами), составляют собственные предложения Координатора и сообщения в СМИ о его рабочих поездках, заявлениях и рекомендациях. Экспертная позиция дает ему определенный вес при налаживании международных связей и иллюстрирует попытку создать в ЕС систему знаний в области борьбы с терроризмом, которая была бы представлена общественности самими формирующими ее экспертами.

Евроюст и Европол – координирующие и аналитические структуры, в которых коммуникация осуществляется, прежде всего, внутри экспертной сети. Коммуникационное обеспечение работы Евроюста представлено поддержанием обмена юридической и оперативной информацией с другими агентствами ЕС, обменом информацией в рамках соглашений с третьими странами, борьбой с киберпреступностью и пропагандой терроризма.

Антитеррористическая группа Евроюста проводит встречи с представителями стран и организаций, вовлеченных в борьбу с терроризмом, составляет базы данных антитеррористического законодательства, передает данные в Европол, где они входят в отчеты «Текущая ситуация и тенденции развития терроризма в Европейском Союзе» (TE-SAT). Таким образом, отчеты обеих структур составляются с учетом синхронизации информационных потоков между ними. Коммуникационные задачи Евроюста отразились в новом стратегическом плане организации на 2016 – 2018 гг.⁶⁶ В 2015 г. предотвращение радикализации и вербовки новых террористов стало одним из приоритетных направлений в политике безопасности ЕС⁶⁷, положив начало работе Евроюста в этой области.

В Европоле коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности представлено преимущественно процессами сбора и обработки данных, созданием аналитических отчетов, которые служат источником информации как для самого Европола, так и для других структур. С момента выпуска первого отчета TE-SAT особое внимание уделяется в данной серии публикаций террористической пропаганде. Наибольшую пропагандистскую активность отмечают специалисты Европола для террористических организаций с религиозными мотивами (отдельный параграф «Пропаганда» с самого начала был выделен только для них, в отчете 2008 г. появляется также параграф «Радикализация и вербовка»). В 2015 г. развитие инструментария социальных сетей придало террористической пропаганде новое качество и возможности⁶⁸, что стало причиной создания специальных отделений внутри Европола. В 2015 г. открыто подразделение ЕС по работе в Интернете (EU Internet Referral Unit – EU IRU) для борьбы с террористической пропагандой и связанными с ней экстремистскими действиями. Также Европол активно работает над поддержанием своей узнаваемости, что видится средством повышения доверия к нему граждан.

⁶⁶ См.: Eurojust Multi-Annual Strategy 2016 – 2018. The Hague, 2014.

⁶⁷ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Agenda on Security. Strasbourg, 28.04.2015. COM (2015) 185 final.

⁶⁸ См.: EU Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2007 – 2015. The Hague: Europol, 2007 – 2015.

Интсен можно назвать наиболее закрытой из анализируемых в параграфе структур. Центр не имеет собственного интернет-сайта, его материалы подаются непосредственно Высокому представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности, а также в Европейскую службу внешнеполитической деятельности. Главной функцией Интсена является аналитическая. Ограниченный характер внешней коммуникации центра связан с его источниками и целями.

Антитеррористические ведомства ЕС сталкиваются с серьезными ограничениями в своей работе, одно из которых – контроль со стороны национальных правительств. Такой контроль обеспечивает баланс интересов государств-членов, однако его эффективность снижают противоречия, существующие между государствами (к примеру, власти Германии призывают принимать максимально возможное число беженцев, власти же Венгрии возводят против них стену). В области обмена информацией существует проблема взаимного недоверия национальных спецслужб. Она может проявляться и в условиях добровольного предоставления разведданных в Европол.

Максимально эффективное сотрудничество спецслужб стран ЕС пока неосуществимо на практике. Это *политический* фактор осложнения коммуникационного обеспечения в борьбе с терроризмом. В то же время проработка стратегической коммуникации ЕС находится в ведении структур, выполняющих разные задачи. Группа стратегической коммуникации на восточном направлении (East StratCom Team) подчиняется Высокому представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности и призвана осуществлять борьбу с «дезинформацией со стороны России» в ходе конфликта на Украине⁶⁹, таким образом, стратегическая коммуникация здесь подчинена конъюнктурным целям. На сирийском направлении действует Консультативная группа стратегических коммуникаций по Сирии (Syria Strategic Communications Advisory Team – SSCAT), подчиненная Комиссии ЕС и вносящая предложения в области коммуникации в ответ на теракты в Париже. Де-факто приравнивание России к «Аль-Каиде» и ИГИЛ при подобном выборе врагов может проецироваться в массовое сознание россиян как признак возможной агрессии ЕС. Таким образом, коммуникация ЕС в борьбе с терроризмом пока не позволяет достичь той конструктивности и согласованности, которая требуется для вхождения антитеррористической деятельности в русло стратегической коммуникации.

Во втором параграфе «Роль коммуникационной составляющей в Антитеррористической стратегии ЕС» проанализированы положения Антитеррористической стратегии ЕС, касающиеся коммуникации в борьбе с терроризмом. В Стратегии, принятой в ноябре 2005 г., обозначены четыре основных направления противодействия терроризму: предотвращение терактов, защита вероятных целей террористов, преследование террористов и ответные меры ЕС в случае терактов⁷⁰. Как основной способ сдерживания роста террористических организаций рассматривается первый пункт (“Prevent”) – предотвращение радикали-

⁶⁹ European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions. Brussels: Council of the EU, 20.03.2015. EUCO 11/15.

⁷⁰ The European Union Counter-Terrorism Strategy. Brussels: Council of the EU, 30.11.2005. P. 7.

зации лиц, способных в будущем войти в состав террористической или экстремистской группы.

Эффективным механизмом коммуникационного противодействия терроризму Стратегия признаёт воздействие на мировоззрение граждан, в особенности «групп риска», из которых возможен набор новых террористов. Признаётся необходимость выработки новой риторики («неэмоционального словаря» для обсуждения проблемы терроризма) в противовес «языку вражды», используемому террористами, развития межкультурного диалога. Эта идея сходна с положениями концепции менеджмента знаний, которая также подразумевает создание определенной парадигмы, совокупности фундаментальных установок, в соответствии с которой происходит оценка явлений. Однако даже сегодня такая парадигма не создана, на что указывает рост вовлеченности в террористическую деятельность. Меры по формированию альтернативных ценностей принимались под влиянием терактов, тогда как должны – до наступления кризиса. То, что в документе и более поздних поправках к нему не признается и высокий темп роста безработицы, и падение уровня образования в ЕС, объективно ослабляет сделанные в нем заявления. В 2009 – 2010 гг. более остро ставится вопрос о предотвращении терроризма, не ущемляя свобод какого-либо религиозного или политического объединения. Предлагается формирование сети профессионалов из всех стран ЕС для обмена опытом практической работы.

Практическое воплощение Стратегии заключается в сотрудничестве государств-членов друг с другом и другими странами в рамках проекта ООН «Альянс цивилизаций» (включает программы подготовки журналистов, освещающих проблему терроризма), в проектах по взаимодействию с «группами риска» среди молодежи – целевыми аудиториями террористической пропаганды, а также в работе экспертных сетей ENER (Европейская экспертная сеть по проблемам радикализации) и RAN (Сеть информирования о проблеме радикализации), основанных в 2008 и 2011 гг. соответственно.

Совет ЕС подчеркивает важность поддержки и постоянного усиления контрнарративов (противодействующих нарративам террористов), формируемых под влиянием самых разных институтов общества – руководителей на местах, педагогов, семьи, социальных работников, общественных деятелей, исследователей, религиозных лидеров, представителей бизнеса, СМИ и других лиц и структур, формирующих общественное мнение⁷¹. В этом прослеживается постепенный отход от превалирования цензуры в борьбе с террористической пропагандой.

В *третьем параграфе «Опыт государств-членов Европейского Союза в борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 г.: развитие антитеррористических структур и коммуникационное обеспечение их деятельности»* рассмотрены основные направления антитеррористической деятельности в странах ЕС, прежде всего, наиболее сильно пострадавших от терроризма.

Так как возможности ЕС в области разведки ограничены, работа ведомств Союза всегда зависела от поддержки национальных агентств. Приоритеты на-

⁷¹ Revised EU Strategy for Combating Radicalisation and Recruitment to Terrorism. Brussels: Council of the EU, 19.05.2014 (OR. en) 9956/14. P. 8.

циональных интересов над европейскими ведут иногда к тому, что, покидая ту или иную страну, потенциальный террорист выпадает из поля зрения национальных спецслужб, и интерес последних к нему ослабевает, отчего передача данных о нем в ведомства других государств-членов может запоздать или вовсе не произойти.

После терактов 11 сентября 2001 г. большинство правительств ЕС постоянно расширяло штаты органов безопасности. При этом среди государств-членов сохраняется определенная специализация в противодействии террористической угрозе. Так, приоритетным направлением в предотвращении терроризма коммуникационным путем в Испании стала борьба с радикализацией и вербовкой, прежде всего, с помощью программ интеграции и образовательных мер. Таможня и жандармерия Франции сосредоточили свои усилия на техническом мониторинге информации по проблеме терроризма. Закон о свободе печати 1881 г. стал применим к случаям разжигания ксенофобии, подстрекательства к расовой ненависти или поддержки терроризма с привлечением высоких технологий⁷². Борьба с терроризмом в Великобритании осуществляется в соответствии со стратегией **CONTEST (Counter-Terrorism Strategy)**. В ее версиях 2003 и 2009 гг. выделяется особый пункт «Предотвращение» (борьба с радикализацией общества путем информационной работы). В 2015 г., после терактов во Франции, британским правительством была принята новая стратегия противодействия экстремизму⁷³, предусматривающая удаление из Интернета экстремистского контента, привлечение к дискредитации терроризма широкого спектра институтов – от религиозных организаций до научных центров. Анализ документов выявляет положительную особенность антитеррористической системы Германии – последовательную институционализацию противодействия терроризму. Коммуникационная стратегия германских спецслужб, однако, отличается определенной негибкостью со времен «холодной войны». Существуют публикации, в которых легальные левые партии и движения, такие, как Германская коммунистическая партия, идентифицированы как экстремистские организации.

Эффект воздействия терроризма на политическую обстановку проанализирован на примерах терактов 11 марта 2004 г. в Мадриде, 7 июля 2005 г. в Лондоне и 7 января 2015 г. в Париже. Ситуации в Лондоне и Мадриде в целом подтверждают, что опасность экстремистских акций и терактов возрастает именно в период проведения предвыборной кампании (в случае в Лондоне она заменяется известием о проведении в городе Олимпиады – события, способного повысить репутацию властей). Разделение общества на несколько политических лагерей является фактором, существенно осложняющим правительственные коммуникации. Опыт французских властей иллюстрирует положительный эффект кризисных коммуникаций, максимально учитывающих настроения общественности, но в то же время актуализирует проблему сохранения доверия к руководству на протяжении долгого времени.

⁷² Europe Confronts Terrorism / ed. K. Von Hippel. Basingstoke, 2005. P. 24.

⁷³ Counter-Extremism Strategy. Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department by Command of Her Majesty. October 2015.

Работа над главой помогла выявить как наиболее эффективные механизмы коммуникации в борьбе с терроризмом в ЕС, так и исторические, политические и организационные факторы, ослабляющие ее эффективность.

Третья глава «Коммуникационная составляющая ультралевых терроризма и борьбы с ним в странах Европейского Союза» посвящена анализу ультралевой угрозы. Основные акции ультралевых террористических организаций изучены в *первом параграфе «Ультралевый терроризм в странах Европейского Союза в XXI веке: состояние и степень угрозы»*. Дана хроника террористической деятельности ультралевых. В исследуемый период существование ультралевых террористических организаций с четкой структурой, подобных «Фракции Красной армии», вызывает сомнение. Чаще встречается понятие «терроризм малых масштабов», которым обозначаются поджоги или акты вандализма.

Период 2001 – 2007 гг. отличает активность террористических организаций, действующих, главным образом, на территории стран своего происхождения. На исторические и политические факторы формирования ультралевой угрозы именно в Европе может указывать и малое количество иностранцев в рядах подозреваемых. Несмотря на значительное количество, по сравнению, например, с числом терактов квазирелигиозных групп, акции ультралевых чаще подпадают под определение экстремизма, но не терроризма. Однако из-за фиксации даже хулиганств, совершаемых подчас под «прикрытием» левых лозунгов, в статистике терроризма, ультралевая угроза в ежегодных отчетах Европола выглядит в десятки раз превосходящей угрозу со стороны организаций типа «Аль-Каиды». В Греции реакция населения на экономический кризис выразилась в многочисленных акциях протеста, поэтому активизация ультралевого терроризма в стране оценивается как наиболее вероятная. В Италии доминирует терроризм анархистских групп, в том числе Неформальной анархистской федерации (ФАИ), пик активности которой пришелся на период с декабря 2003 по декабрь 2009 г. Наиболее активной группой в Германии в рассматриваемый период называют «Боевые группы» (МГ), которые избрали главным направлением своей практики атаки на частную собственность, в основном путем поджогов.

Эскалация насилия, в том числе и ультралевого, в Европе в целом совпадает с началом периода экономического кризиса. В 2008 – 2016 г. ультралевые группы тяготеют к образованию политических сетей, в отличие от организаций прошлого, имевших четкую иерархичную организационную структуру. В этих условиях на контакт идут группы из разных стран, имеющие разную идеологическую базу. Ультралевая идеология не предусматривает развернутой программы позитивных общественных преобразований, а концентрируется на вооруженной борьбе. При этом объекты нападений ультралевых и анархистских террористических групп весьма схожи, что позволяет им заключать тактические соглашения.

Во втором параграфе «Коммуникационные средства в арсенале ультралевых террористических организаций стран Европейского Союза» выявлены основные коммуникационные механизмы, применявшиеся ультралевыми в исследуемый период.

Главной целевой аудиторией для ультралевых террористических организаций являются учреждения различных ветвей власти, а также политические противники, каковыми чаще всего провозглашаются наиболее значимые лица в системе либерального государства. К внутренней аудитории коммуникации ультралевого терроризма можно отнести, главным образом, членскую базу самой организации. Социальной базой своего движения ультралевые террористы считают интеллигенцию, представителей студенчества.

Важным каналом распространения информации для ультралевых организаций является Интернет. Программные документы и прокламации организаций появляются как на сайтах СМИ, так и в крупных интернет-архивах. Основными способами донесения сообщения до аудитории стали коммуникационный эффект террористического акта (его освещение в СМИ, реакция на него) и анонимное распространение данных. Другими целями использования Интернета, кроме пропаганды и координации действий террористов, являются вербовка и обучение, кибератаки, фандрайзинг.

Названия рассматриваемых организаций («Боевые группы», «Неформальная Анархистская Федерация», «Группы патриотического антифашистского сопротивления первого октября», «Революционная борьба») апеллируют, как и во второй половине XX в., к левой и анархистской ориентации протестного движения. Ссылки на авторитеты социологов, политологов, философов, труды которых представляются значимыми для протестного движения, присутствуют, главным образом, в документах ультралевых организаций, называющих себя коммунистическими, нежели в воззваниях анархистской ФАИ.

Коммуникационные стратегии ультралевых террористических организаций ЕС мало изменились со второй половины XX в. Изменения наблюдаются только в методах распространения информации, которое осуществляется сегодня с помощью Интернета. Развитая система коммуникации в арсенале ультралевых пока не сформирована, по сравнению с группами образца «Аль-Каиды».

Третий параграф «Влияние ультралевого терроризма на общественное мнение» посвящен опасностям, которые возникают в обществе в результате активности ультралевых террористических групп.

Анализ материалов СМИ и документов государственных структур показывает, что террористические акты, независимо от идеологической базы организации-исполнителя, практически всегда становятся объектом пристального внимания СМИ. Террористам это известно, и они стремятся повысить «зрелищность» теракта. При этом предметом будущего обсуждения становятся не только изображения жертв, интервью с пострадавшими, но и, к примеру, новое оружие, применяемое террористами. Ярким примером может служить применение противотанковой ракеты, выпущенной из гранатомета в здание американского посольства в Афинах 12 января 2007 г. после ряда взрывов, устроенных ЕА. В течение недели после теракта греческие ежедневные газеты публиковали статьи с рассуждениями о возможном исполнителе.

Провоцирующий эффект ультралевого терроризма состоит в том, что у террористов появляется большое количество продолжателей в молодежной среде, особенно в той ее части, где распространены протестные настроения, но отсут-

ствует четкое понимание процессов развития общества и государства, кризисных явлений, в том числе и механизмов развития терроризма. Зачастую понятия «терроризм», «экстремизм» и «политическая борьба» смешиваются, отводя на второй план теоретическую работу и не позволяя в полной мере осмыслить феномен ультралевого терроризма. Эффект, производимый терактами ультралевых на общественное мнение, проявляется и в усилении страха перед террористами.

Четвертый параграф «Коммуникационное обеспечение борьбы с ультралевым терроризмом в странах ЕС» посвящен изменениям в области коммуникации в антитеррористических структурах в ответ на ультралевую угрозу.

Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности европейских спецслужб налажено в разных странах на разном уровне. Анализ документов показал объективные недостатки сообщений силовых структур. К примеру, в Германии под левым экстремизмом Ведомство по охране Конституции понимает не только проявления терроризма (или «терроризм малых масштабов», как поджоги), но даже устные высказывания, сами лозунги протестных организаций, если они призывают к крайним мерам⁷⁴. Подобный подход является опасным в отношении протестного движения и легальных оппозиционных партий.

Специалисты британской службы безопасности МИ-5 ультралевых упоминают в разделе «Подрывная деятельность» своего сайта как проблему прошлого. Под определение подрывной деятельности, по мнению МИ-5, подходит деятельность коммунистических и троцкистских организаций, действовавших на территории Великобритании в период «холодной войны»⁷⁵. В Греции работа по профессиональному управлению посредством коммуникаций ведется, главным образом, путем накопления и распределения информации внутри силовых структур. Показательным примером кризисных коммуникаций с общественностью можно назвать кампанию, развернутую после убийства британского военного атташе в Греции С. Сондерса в 2000 г., когда по общегосударственным радиоканалам прошла серия передач, подчеркивающих угрозу терроризма для общества. Еще в 1986 г. в стране была образована Национальная разведывательная служба. Ее коммуникационные функции представлены сбором, обработкой и распространением в пределах властных структур информации, касающейся национальной безопасности страны, обеспечением безопасности коммуникаций.

Программные документы и коммюнике ультралевых террористов XXI в. наглядно иллюстрируют тот концептуальный тупик, в котором находится ультралевое движение, провозглашая вооруженную борьбу самоцелью и не ставя при этом задач прогрессивных преобразований с опорой на интересы широких слоев населения, на научно обоснованный экономический и политический анализ современной ситуации. Однако коммуникация в борьбе с ультралевой угрозой в ЕС еще не преодолела инерцию «холодной войны», вследствие чего она ведется

⁷⁴ Verfassungsschutzberichte 2006 – 2012. Köln, 2007 – 2013.

⁷⁵ Subversion // Security Service MI5: [website]. URL: www.mi5.gov.uk/out-put/subversion.html (accessed: 27.03.2013).

без должной дальновидности, используются прямые обвинения левого движения в росте терроризма, что в материалах антитеррористической направленности иногда доходит до абсурда (термины «антифашизм» и «противодействие авторитаризму» без объяснений подаются в негативной коннотации). В сложившейся ситуации невозможно слаженное противодействие террористической деятельности ультраправых силами всех институтов гражданского общества, включая левые партии и организации.

Четвертая глава «Коммуникационный аспект ультраправого терроризма и борьбы с ним в странах Европейского Союза» посвящена анализу деятельности ультраправых террористических организаций в ЕС и коммуникационных механизмов, направленных на борьбу с ними.

Первый параграф «Ультраправый терроризм в странах Европейского Союза после 2001 г.: основные тенденции развития» рассматривает динамику и специфику развития ультраправого терроризма.

Крайне правые движения приобрели новые обоснования для своей риторики под воздействием экономического кризиса, а позже – кризиса иммиграционного. Можно использовать для классификации ультраправых террористических групп и одиночек типологию политолога Э. Спринзака⁷⁶ с поправкой на то, что ультраправый терроризм, нацеленный на захват власти, не может называться революционным, скорее – терроризмом, нацеленным на переворот (в силу понимания революции в настоящем исследовании как перехода от отжившего социально-экономического строя к более прогрессивному). С 2001 г. в странах ЕС действуют реактивные, расистские террористические группы, представители молодежного контркультурного терроризма. Можно отметить и проявления терроризма смешанного типа, исполнители которого сочетают в своей идеологии мотивы разных направлений ультраправых, а также теракты, исполнители которых не разделяли перечисленные выше типы идеологии (к примеру, руководствовались сепаратистскими мотивами).

Деятельность группы «Национал-социалистическое подполье» (НСП) может служить для характеристики феномена расистского терроризма, в котором со временем появляются миллениаристские элементы (как в манифесте Андерса Брейвика). Теракт А. Брейвика вызвал в ЕС широкий общественный резонанс и стал поводом для принятия ряда решений, направленных на предупреждение терактов одиночек, а также для появления подражателей террориста. Стремительный рост количества терактов происходит в 2015 г.

В исследуемый период можно отметить тенденцию к отождествлению ультраправыми европейской политики мультикультурализма с марксистским курсом. В манифесте А. Брейвика на первый план выходит как антимарксистская, так и антимусульманская составляющая, в отличие от традиционного для ультраправых антисемитизма. Растут международные связи неонацистов. Отдельные активисты ультраправых групп создавали «базы данных» потенциальных

⁷⁶ Sprinzak E. Right-wing terrorism in a comparative perspective. The case of split delegitimization // Terrorism Studies. A Reader. / ed. J. Horgan, K. Braddock. London – New York, 2012.

жертв нападений. С 2008 г. теракты ультраправых стали более жестокими, что напрямую свидетельствует о росте напряженности в обществе.

Во втором параграфе «Коммуникационные средства в инструментарии ультраправых террористов» рассматривается основное содержание и каналы распространения ультраправой пропаганды. Сплочение ультраправых объясняется в их собственных воззваниях «исламизацией Европы», дискуссии о которой усиливаются после терактов квазирелигиозных террористов. Чаще всего объединение провозглашается на основе этнической принадлежности, хотя в ряде случаев мы встречаем использование религиозной риторики (к примеру, А. Брейвик называл себя «христианским фундаменталистом»), что позволяет выделить общие черты в мотивации ультраправого и квазирелигиозного терроризма.

Можно выделить два основных канала распространения информации – Интернет и концерты и записи WPM-исполнителей (WPM – white power music – направление рок-музыки, тексты в котором содержат заявления о превосходстве белой расы). Самым активным распространителем информации о концертах WPM-исполнителей является промоутерская сеть «Кровь и честь». WPM-сцена признается одной из основных ветвей политического экстремизма в Европе, а экстремистская среда предоставляет террористическим организациям довольно обширную членскую базу и лояльную целевую аудиторию пропаганды. Сеть «Кровь и честь» публикует информацию о самых одиозных правоэкстремистских акциях и вырабатывает рекомендации для их потенциальных и реальных участников.

Призывы пересмотреть историю Второй мировой войны и оценки действий нацистской Германии проникают сегодня даже в легально изданные произведения, создавая дополнительное подспорье для распространения ревизионизма в молодежной среде. Ультраправое влияние в ЕС обусловлено не только эффектом самих террористических актов, но и тем попустительством межнациональной розни, которое присутствует в СМИ, причем эта проблема ведет к усилению как ультраправых, так и квазирелигиозных экстремистских настроений.

Третий параграф «Эффект воздействия ультраправого терроризма на общественное мнение» показывает, как происходит распространение ультраправой идеологии под влиянием коммуникации террористов.

Основным эффектом, оказываемым на общественное мнение ультраправым терроризмом, можно считать радикализацию и рост правоэкстремистских настроений в обществе. Описания терроризма одиночек в СМИ становятся примером для подражателей из молодежной среды. Одной из главных тем в публикациях «Крови и чести» стало прославление и распространение терроризма одиночек. Еще одним эффектом террористических актов ультраправых можно назвать активные заявления правых партий, которые стали отстраняться от действий Андерса Брейвика в Норвегии.

Определенные симпатии, возникающие в обществе к ультраправым террористам и экстремистам, обвинения властей в ущемлении прав человека при пресечении неонацистской пропаганды, возникающие среди блогеров, являются примером проявления симпатии к реакционным идеологиям на фоне экономи-

ческих проблем. Это проявилось, в частности, при обсуждении судебного преследования португальской ветви организации «Хаммерскин» в 2006 г. Основным эффектом террористической деятельности ультраправых групп в Европе становится не столько увеличение страха перед ультраправым терроризмом, сколько разрастание правого экстремизма и связанных с ним противоречий в обществе.

В четвертом параграфе «Коммуникационное обеспечение борьбы с ультраправым терроризмом в странах ЕС» исследованы меры, принимаемые для предотвращения распространения ультраправой идеологии.

В коммуникационном обеспечении борьбы с ультраправым терроризмом важное место занимают инициативы институтов ЕС, направленные на предотвращение террористических актов, такие, как «программы выхода» из экстремистской среды, в ходе которых правоохранители и общественные организации работают с представителями «групп риска» – молодыми людьми, входящими в экстремистские группы или рискующими подвергнуться их влиянию. В 2012 – 2014 гг. соответствующий проект Института стратегического диалога финансировался Комиссией ЕС, и его результаты стали отправной точкой для расширения превентивных мер. Особенно полезной представляется помощь молодежи в трудоустройстве, направленная на искоренение социальных мотивов ультраправого терроризма.

Наибольшее количество материалов по изучаемой теме предоставляет Ведомство по охране Конституции Германии (BfV). На его интернет-сайте можно найти публикации по проблеме правого экстремизма, среди которых – материалы, рассчитанные на детскую и подростковую аудиторию. В Великобритании более развиты частные инициативы по коммуникационному противодействию ультраправому насилию, такие, как проект «Ничего британского» (“Nothing British”). Интернет-ресурсы французских силовых структур, ответственных за противодействие терроризму, посвящены в основном презентации самих этих структур. На молодежную аудиторию рассчитаны специальные занятия, направленные на предотвращение детской преступности, которые проводят в школах сотрудники Национальной жандармерии Франции.

В параграфе рассмотрены возможности коммуникационного противодействия ультраправому терроризму одиночек. Теракты А. Брейвика показали, что даже в одиночку возможно эффективное планирование такого рода акций. Манифест террориста основан, главным образом, на материалах праворадикальных и антиисламских форумов. Даже наличие минимальных международных контактов позволило А. Брейвику представить себя как лидера обширной сети сочувствующих из США и одиннадцати стран ЕС. Тем не менее, в отличие от террористической организации, одиночка в целом уязвимее для спецслужб, а возможности его коммуникационной активности все же ограничены.

Одной из главных проблем противодействия терроризму одиночек стала необходимость повышенного внимания к событиям менее масштабным, чем ранее, минимальным сигналам, которые поступают от отдельного человека, планирующего теракт. Для этого нужен не только эффективный сбор данных их обобщение, выявление стратегий и тактик самих террористических актов, но и

конечный аналитический продукт, позволяющий прогнозировать возможное поведение большого числа людей, состоящих именно в «группе риска».

На основе работы над главой можно заключить, что, хотя принципиальных изменений количества терактов ультраправых не происходит до 2015 г., характер ультраправой угрозы меняется: теракты становятся более жестокими, возрастает опасность со стороны террористов-одиночек. В конце исследуемого периода миграционный кризис способен серьезно затруднить коммуникацию силовых структур в борьбе с ультраправым терроризмом.

Пятая глава диссертации «Коммуникационный аспект квазирелигиозного терроризма и борьбы с ним в странах Европейского Союза» посвящена деятельности террористических организаций типа «Аль-Каиды» и ИГИЛ и мерам коммуникационного противодействия им.

Первый параграф «Активность террористических организаций, применяющих религиозную риторику, в странах ЕС после 2001 г.» посвящен исследованию социальной природы квазирелигиозного терроризма (КРТ) и терактов данной ветви в изучаемый период. Квазирелигиозный терроризм долгое время подпитывался растущим чувством фрустрации и отчуждения детей и внуков трудовых иммигрантов из мусульманских стран в Европу. Бедность и социально-экономическая изоляция для них усилились недостатками системы образования, что закрепило социальную стратификацию. Социально-политическая природа КРТ прослеживается, к примеру, в воззваниях У. Бен Ладена и А. аз-Завахири.

Анализ большого количества источников показывает, что в исследуемый период квазирелигиозный терроризм и экстремизм в ЕС представлен, главным образом, группами, симпатизирующими или связанными с «Аль-Каидой» (позже – с ИГИЛ), хотя время от времени появляются группы и одиночки, провозглашающие приверженность христианскому фундаментализму и совершающие насильственные действия в отношении иммигрантов из исламских стран.

Самыми крупными примерами террористических атак первой половины 2000-х гг. стали именно акты КРТ (в Мадриде и Лондоне). Всплеск терроризма и экстремизма, разразившийся с карикатурным скандалом 2005 – 2006 гг., тесно связан с общими экономическими проблемами мигрантов, проблемами интеграции, а его пик в 2015 г. – с военными конфликтами на Ближнем Востоке. В европейской «войне с террором» после 2013 г. может быть выделен новый этап, связанный с ростом угрозы со стороны ИГИЛ – организации, претендующей на образование собственного государства и ведущей активную коммуникацию внутри Европейского Союза.

Во втором параграфе «Коммуникационный аспект квазирелигиозного терроризма в странах Европейского Союза» проанализирован спектр коммуникационных средств, применяемых квазирелигиозными террористами.

Анализ интернет-сайтов квазирелигиозного экстремистского содержания показывает, что они выполняют функции виртуальных библиотек, предоставляют возможности для планирования, организации и обсуждения реальной деятельности. Существуют и вкрапления пропаганды насилия, сделанные сочувствующими террору на легальных, неэкстремистских сайтах и форумах. Одна из важ-

ных функций интернет-сайтов и форумов состоит также в обмене информацией между арестованными по связанным с терроризмом обвинениям.

Изучение заявлений террористических групп и их сторонников позволяет заключить, что антитеррористическая пропаганда становится отправной точкой для нового витка информационного противоборства. Террористы и их сторонники выпускают соответствующие издания, риторика которых апеллирует к образу жертвы, в роли которой оказывается мусульманин (а не террорист) в странах Запада. Идеологи КРТ активно используют риторику сопротивления западной экономической, культурной и другого рода экспансии. Квазирелигиозная террористическая пропаганда апеллирует к тем же понятиям и категориям (вера, вероотступничество, закон и т. п.), что и религия, но искажает их в своих целях. Теракты квазирелигиозных групп преподносились как одержанные божественной волей победы над безнравственным и неверующим врагом.

Коммуникация ИГИЛ, в отличие от коммуникации «Аль-Каиды», представленной в собственных изданиях как тайная боевая организация, направлена на то, чтобы доказать целевой аудитории, что ИГИЛ – в первую очередь, государство – империя, в которой действует одно вероисповедание. Это один из главных образов, транслируемых ИГИЛ.

Третий параграф «Влияние квазирелигиозного терроризма на настроения в европейском обществе и роль СМИ» посвящен эффекту терактов квазирелигиозных террористических групп. Анализ материалов СМИ показал, что одним из основных последствий террористической деятельности квазирелигиозных групп в обществе является, «сплочение вокруг флага». Так, под влиянием терактов 11 сентября 2001 г. европейская общественность большей частью поддержала участие своих стран в «войне с террором».

На фоне антиамериканизма, возникшего в ряде стран мира после вторжений США в Ирак и Афганистан, активизируется и террористическая пропаганда квазирелигиозного направления, которое все чаще преподносит свои действия как реакцию на военную политику стран ЕС. Крайне негативным эффектом коммуникации террористических групп в итоге стала активизация вербовки исполнителей терактов, которые теперь часто происходят не из семей иммигрантов, а являются коренными европейцами.

Сплочение ультраправых сил также не в последнюю очередь можно считать обратной стороной страха КРТ. Уровень этого страха довольно высок в Европе. Так, в десяти государствах ЕС в июне 2016 г. граждане указали ИГИЛ в качестве основной угрозы безопасности своих стран. Отмечается и высокая обеспокоенность граждан ростом численности беженцев из Сирии и Ирака. Показателем расширения базы ультраправых движений может считаться и то, что большое число граждан Германии не находят в своей стране места исламу, а также атаки на убежища для мигрантов.

Четвертый параграф «Коммуникация в борьбе с квазирелигиозным терроризмом в странах ЕС после 2001 г.» посвящен поиску новых коммуникационных стратегий предотвращения террористической деятельности этой ветви.

Рост угрозы КРТ стал причиной создания в рамках Европола Европейского антитеррористического центра (European Counter Terrorism Centre – ECTC) в

январе 2016 г. ЕСТС постепенно должен стать главным центром обмена информацией, координации оперативных действий для решения проблемы пересечения функций национальных спецслужб. После терактов в Париже Европол развернул обширные исследования терроризма во Франции и Бельгии, сформировав группу из 60 специалистов под названием *Fraternité*. Можно, однако, отметить и негативные тенденции в коммуникации Европола. В частности, в 2016 г. произошел отход от термина «терроризм с религиозными мотивами» в пользу термина «джихадистский терроризм», что можно расценить как попытку выделить в данной ветви только организации типа «Аль-Каиды» и ИГИЛ.

В сферу борьбы с квазирелигиозным терроризмом посредством коммуникации в ЕС входит широкий спектр мер, направленных на интеграцию иммигрантов из мусульманских стран. В 2003 г. был образован Французский совет по делам мусульманской религии – представительный орган традиционного ислама перед правительством. Власти Германии осуществляют продвижение немецкого языка и ценностей равенства и гражданской ответственности, содействуют образованию, трудоустройству и улучшению условий жизни женщин. В ЕС действуют общие принципы политики интеграции, среди которых – уважение к основным ценностям ЕС, доступность работы, образования и жилья, участие иммигрантов в принятии политических решений и т. д. Европейский Фонд для интеграции граждан стран «третьего мира» с 2007 г. финансирует инициативы по установлению социокультурных связей между иммигрантами и европейским обществом. В 2009 г. для обсуждения этого процесса был основан Форум объединения Европы.

После терактов 11 сентября 2001 г. во многих странах Европы были приняты меры по противодействию распространению информации террористами. Так, во Франции полиция получила право прослушивать телефонные разговоры и просматривать личную электронную почту граждан. Сходные меры были предприняты в Германии и Великобритании. О намерении просматривать частную электронную переписку объявил Европол. Подобные меры часто вызывают критику правительств со стороны журналистского сообщества и общественных организаций. Наибольшую открытость при осуществлении коммуникации в борьбе с КРТ проявляют ведомства Германии. Сильной стороной сообщений германских спецслужб можно назвать тщательное разграничение в материалах, рассчитанных на широкий круг читателей, понятия ислама и квазирелигиозного терроризма. Заслуживает внимания системный характер транслирования информации, при котором коммуникация охватывает максимальное количество целевых аудиторий. На территории стран ЕС активно действуют негосударственные организации, осуждающие терроризм с позиций ислама или левого движения.

В заключении сформулированы обобщающие **выводы** исследования.

1. *Коммуникационное обеспечение автор определяет как разработку и реализацию мер, обеспечивающих деятельность организации коммуникационными средствами, включая управленческие решения, механизмы распределения информации внутри организации, трансляции ее на внутренние и внешние целевые аудитории с целью искомого воздействия на них. Синергетический эффект*

коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности достигим только при конструктивном сотрудничестве государственных и общественных институтов.

2. Рассмотрение коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности в рамках стратегической коммуникации эффективно с точки зрения его концептуализации. При этом решения в области коммуникации связываются с управленческими, оперативными мерами, изменениями юридической практики. Все эти меры не только определяют содержание сообщений, но и сами по себе проецируются в общественное сознание в виде «слов» и «образов». Опыт ЕС свидетельствует о начале сближения стратегической коммуникации и борьбы с терроризмом.

В качестве критериев эффективности коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности могут быть предложены показатели уровня доверия в обществе к антитеррористическим структурам и к властным структурам в целом, уровня страха перед террористической угрозой, данные об отношении граждан к идеологии террористических организаций, информация о количестве и интенсивности общественных акций, направленных против терроризма, а также сведения о количестве терактов, планируемых группами или лицами, обратившимися к терроризму под воздействием пропаганды. Вспомогательными данными может стать информация об активности сторонников той или иной террористической организации в социальных сетях.

3. Существенной угрозой международной и европейской безопасности стало появление террористической организации, использующей в управлении целевыми аудиториями элементы стратегической коммуникации.

На протяжении исследуемого периода терроризм имеет преимущественно сетевой характер. Начиная с 2014 – 2015 гг., в связи с выходом на политическую арену ИГИЛ, наряду с ярко выраженными сетевыми структурами появляется иерархическая организация, копирующая систему государственных органов, обладающая обширной контролируемой территорией и ресурсами, доходы от которых облегчают, не в последнюю очередь, коммуникацию с общественностью. В силу этих обстоятельств угроза ИГИЛ становится приоритетной в ЕС. В то же время ультралевые и ультраправые террористические организации заметно расширяют международные связи, а ультраправая ветвь ужесточает теракты.

4. Террористические организации используют в своей пропаганде современные средства связи, при этом умело манипулируя мнением целевой аудитории с помощью самого содержания сообщений.

Развитие интернет-коммуникаций позволяет членам террористических групп не вступать в личный контакт друг с другом. Коммуникационный эффект теракта многократно усиливается из-за возможности передать сообщение о нем в кратчайшие сроки. В открытом доступе находятся материалы множества террористических организаций. Противодействие их распространению с помощью цензуры стало невозможным, так как взамен удаленного сайта в Интернете может почти сразу появиться его копия.

Важным компонентом терроризма неизменно остается идеологическая окраска действий его исполнителей. Ультралевые террористические организации используют общественное возмущение, активно используя марксистскую риторику, ссылки на авторитетных лидеров левого движения. Сплочение ультраправых экстремистов и террористов объясняется в их собственных воззваниях «исламизацией Европы». Принципиально новый уровень развития терроризма демонстрирует ИГИЛ, применяющая элементы стратегической коммуникации: образ государства, создаваемый не только реальной практикой, но и медиапродукцией ИГИЛ, способен расширить транснациональную сеть ее боевиков.

5. *Для терактов всех трех исследованных ветвей терроризма характерен провоцирующий эффект:* у исполнителей появляются подражатели в молодежной среде. Также террористические акты способствуют нагнетанию страха в обществе, чреватому падением доверия к властным структурам. Опыт ЕС подтверждает концепцию создания коммуникационных цепочек управления: теракт, во-первых, усиливает внимание к его исполнителям, укрепляя «бренд» террористической организации, а во-вторых, ставит перед властями задачи предотвращения паники в обществе и мобилизации граждан на участие в борьбе с терроризмом. Эмоциональные описания в СМИ терактов и их последствий способны окружить терроризм романтическим ореолом и укрепить его социальную базу. Теракты квазирелигиозных террористов провоцируют распространение антиисламских движений, что может создать в ближайшем будущем угрозу для европейских демократических ценностей. Этот процесс повышает роль коммуникационного обеспечения в борьбе с терроризмом.

6. *При анализе коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности в Европейском Союзе в 2001 – начале 2016 гг. можно выделить его несомненные достижения.* Эффективно проводится интеграция работы национальных органов безопасности в европейскую систему. Были созданы новые антитеррористические структуры, сформирована система консультативно-экспертных органов. Европол, Евроюст и Координатор ЕС по борьбе с терроризмом располагают обширной аналитической базой, которая складывалась практически с самого начала их работы.

Несмотря на ограниченность полномочий агентств и Координатора в оперативной сфере, они имеют *широкие возможности* в области коммуникации. Достижением коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности ЕС на уровне европейских органов является сочетание важных практических инструментов стратегической коммуникации: 1) сбора и систематизации информации; 2) аналитической работы; 3) многоканальной коммуникации с профильными ведомствами государств-членов и третьих стран; и 4) коммуникации с широкой общественностью, направленной на поддержание репутации антитеррористических ведомств. Сетевой характер экспертно-консультативных органов (ENER и RAN) представляется эффективным для развития научной дискуссии в поиске практических решений в борьбе с терроризмом. Принцип представительства государств-членов в европейских агентствах может способствовать не только выражению интересов национальных правительств, но и распределению между странами отдельных задач в борьбе с терроризмом.

7. *Коммуникационное обеспечение работы антитеррористических ведомств ЕС имеет, наряду с достоинствами, и определенные недостатки. Можно выделить ряд факторов, тормозящих развитие коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом в ЕС. Исторический фактор – негибкость спецслужб в оценке оппозиционных партий и движений, мешающая наладить с ними диалог в борьбе с терроризмом. К политическим факторам относятся: 1) конкуренция национальных государств на геополитической арене, ведущая к соперничеству их спецслужб; 2) сосредоточенность подразделений стратегической коммуникации на геополитических задачах, в силу чего коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности далеко не полностью охвачено их вниманием; 3) конъюнктурность поведения политиков, ставящая под угрозу общественную безопасность (яркий пример – коммуникация испанского правительства после теракта в Мадриде).*

Организационные факторы снижения эффективности коммуникации в борьбе с терроризмом в ЕС – это 1) зависимость Координатора и европейских агентств от интересов национальных правительств (проявляется, к примеру, в отборе разведанных, добровольно передаваемых в европейские органы) и, как следствие, 2) отсутствие должного уровня координации и недостаточно эффективное представление обществу работы ряда ведомств. К примеру, сбор разведанных разными структурами (Европейский антитеррористический центр в составе Европола и Центр анализа разведанных ЕС) помогает накоплению большего количества оперативной информации. Однако в открытых публикациях этих ведомств проявляются противоречия, характеризующие недостаток стратегического планирования коммуникации.

8. *Определенные успехи в институционализации борьбы с терроризмом были достигнуты государствами-членами. Так, жандармерия Франции активизировала технический мониторинг информации по проблеме терроризма. В Великобритании была принята национальная антитеррористическая стратегия CONTEST, в рамках которой более существенной по сравнению с предыдущими периодами становится роль предотвращения террористических актов посредством коммуникации. В Германии создаются национальные аналитические группы и объединения. Эти и многие другие меры свидетельствуют о постепенном переходе политики европейской безопасности на новый, действительно общеевропейский путь развития.*

На примерах действий и заявлений правительственных органов и тревожных служб Испании, Великобритании и Франции после крупных терактов можно проследить эволюцию кризисных коммуникаций национальных правительств. Налаживаются механизмы, позволяющие более оперативно публиковать официальную версию событий и повестку дня, информировать общественность о принимаемых мерах. В кризисных коммуникациях делается акцент как на вовлеченности государственных лидеров в ситуацию (чему сегодня способствует и использование социальных сетей), так и на необходимости для всех граждан сплотиться против общего врага. Французский кейс (ответ властей на теракт в редакции *Шарли Эбдо*) иллюстрирует важность отказа от преждевременных предположений о виновниках кризиса.

Сильными сторонами коммуникационного обеспечения антитеррористической деятельности в государствах-членах являются: охват большого количества возрастных и социальных групп, налаживание стабильной системы обмена информацией в научном и экспертном сообществе, развитие аналитических служб, чьи рекомендации используются при разработке сообщений на широкие целевые аудитории.

9. Наряду с успехами коммуникационного обеспечения борьбы с терроризмом в государствах-членах следует отметить и объективные его слабости. В ситуации резкого повышения террористической угрозы приоритетной задачей для многих государств, включая страны ЕС, становится усиление и расширение оперативных подразделений. Структуры, отвечающие за сотрудничество с общественными организациями, национальными и религиозными меньшинствами, формируются с опозданием, как дополнение к сети антитеррористических подразделений (хотя коммуникация, нацеленная на предотвращение кризиса, должна разворачиваться до того, как он начнется). Часто их коммуникационные стратегии остаются не до конца проработанными, что приводит к неодобрению и даже к активным протестам со стороны граждан. Дискурс терроризма, принятый в отдельных странах, становится препятствием для разработки «неэмоционального словаря» для обсуждения проблемы терроризма, заявленного в Анти-террористической стратегии ЕС.

Действия спецслужб в ряде случаев способствовали, вольно или невольно, сохранению террористической угрозы. Так, статистика терактов, приводимая Европоллом, получающим информацию от государств-членов, говорит о явном преувеличении ультралевой террористической угрозы по сравнению с ультраправой и квазирелигиозной, хотя на практике основной спектр мер в борьбе с терроризмом направлен именно на последние две ветви. Меры контроля над общественной жизнью, например, прослушивание телефонных разговоров граждан, часто ведут к снижению общественного доверия к спецслужбам. На этом фоне затрудняется работа последних. Значимость таких мер, как взлом экстремистских сайтов, снижается на фоне неограниченных возможностей копирования и распространения информации в Интернете.

10. Несмотря на успешную в целом институционализацию борьбы с терроризмом, в государствах-членах не были искоренены или должным образом минимизированы социальные факторы сохранения террористической угрозы, такие, как безработица, геттоизация и сохранение низкого уровня образования мигрантов. Дополнительным фактором обострения межнациональных отношений стало участие военного контингента ряда стран ЕС в конфликтах на Ближнем Востоке в рамках «войны с террором». Все это делает иностранных работников и их детей потенциальной целевой аудиторией террористической пропаганды, апеллирующей к общности происхождения или религии. Реакция на рост безработицы, коррупцию, проблемы в образовании и одновременно – на рост квазирелигиозной террористической угрозы, спровоцировала часть коренных европейцев на вступление в ультраправые организации. Ультралевые активно используют общественный протест для оправдания терактов.

11. *Успехом в области коммуникационного обеспечения борьбы с отдельными ветвями терроризма является налаживание системы сотрудничества европейских и национальных ведомств в рамках специальных проектов.* Среди этих проектов – «программы выхода», направленные на сужение социальной базы ультраправого терроризма (помощь молодежи в образовании и трудоустройстве приближает данные программы к стратегической коммуникации), проекты интеграции мигрантов, национальных и религиозных меньшинств.

О большей концентрации практических усилий на европейском уровне по предотвращению ультраправого и квазирелигиозного терроризма, чем ультралевого, свидетельствует, к примеру, открытие в Европоле подразделения, направленного на анализ ультраправой угрозы, или основание Европейского антитеррористического центра именно в ответ на теракты представителей «Аль-Каиды» и ИГИЛ. Это оправдано, учитывая более острую проблему активизации ультраправой и квазирелигиозной ветвей. Наибольшее количество открытых материалов по проблеме ультраправого терроризма предоставляет Ведомство по охране конституции Германии. На молодежную аудиторию рассчитаны специальные занятия, направленные на предотвращение детской преступности, которые проводят в школах сотрудники Национальной жандармерии Франции. В Великобритании более развиты частные инициативы по политическому противодействию ультраправому насилию, включая создание некоммерческих аналитических центров и общественных организаций, призванных препятствовать прохождению политической ветви ультраправого движения в представительные органы страны.

Антитеррористические структуры сделали акцент на работе с лидерами мнений мусульманского сообщества – политическими или религиозными. Сильной стороной сообщений, которые транслирует ряд ведомств, можно назвать стремление тщательно разграничить понятия ислама и квазирелигиозного терроризма. Также заслуживает внимания системный характер коммуникации, охват максимального количества целевых аудиторий.

12. *В коммуникационном противодействии каждой из ветвей терроризма в исследуемый период можно отметить определенные проблемы.* Так, наследие «холодной войны», в ходе которой ультралевые террористы представлялись на Западе как «коммунисты», поддерживаемые советскими властями, и т. п., выработало своего рода привычку к оценке ультралевого терроризма как части марксистского движения, что способно накалить отношения правящих кругов с левой оппозицией. В документах Европола и национальных антитеррористических структур, наряду с призывом к толерантности по отношению к представителям других наций, религий и т. п., главным стал призыв к борьбе с «джихадизмом», «исламизмом», «марксистско-ленинскими организациями». Это произвело эффект, обратный ожидаемому: террористические организации представили борьбу с терроризмом как борьбу с теми или иными религиозными или политическими течениями, как проявление национальной или религиозной нетерпимости.

Одновременное провозглашение необходимости борьбы с квазирелигиозными террористами и попустительство присутствию в коммуникационном про-

странстве ЕС идеологов терроризма подрывает доверие к власти, в том числе приводя к критике «справа», что неизбежно ведет и к распространению ультра-правых экстремистских идей.

Сделанные выводы позволяют сформулировать ряд рекомендаций для силовых структур.

1. Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности может быть включено в аппарат стратегической коммуникации с привлечением к разработке основных управленческих решений и транслируемых сообщений широкого круга экспертов. Важной мерой может стать упрочение связи экспертных сетевых структур с субъектами принятия решений для более тщательной проработки конкретных мер в антитеррористической деятельности и их коммуникационного эффекта.

2. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости принятия дальнейших мер, направленных на сужение социальной базы терроризма, – от решений в области трудоустройства и образования до активизации диалога властей с профессиональными организациями и институтами гражданского общества, предоставления слова признанным общественным лидерам, выступающим против терроризма.

3. Обучение, нацеленное на сохранение и развитие собственной культуры и понимание культуры страны проживания, подразумевает знакомство граждан с лучшими образцами литературы, искусства, научными достижениями представителей разных культур, акценты на ценностях, которые сближают, а не разделяют людей. При этом целесообразен отход от «национального» или религиозного дискурса в пользу социально-экономического, недопустима дискредитация легальных левых партий и движений.

Предмет диссертации имеет **перспективы для дальнейшего исследования**. Так, сосредоточенность национальных элит на геополитических интересах может привести не только к недостаточному взаимодействию национальных спецслужб, но и к прямой или косвенной поддержке организаций, которые другим государством признаны террористическими (пример – функционирование на территории Швеции и Финляндии серверов сайта «Кавказ-центр», где публикуются документы организаций, признанных террористическими в самом ЕС). Такие явления могут снижать эффективность коммуникации в борьбе с квазирелигиозным терроризмом. Целесообразно исследование влияния конкуренции спецслужб, выполняющих разные функции, на взаимодействие сотрудников этих спецслужб с «группами риска» (потенциальными и реальными террористами), подачу проблемы терроризма в медиапространстве. Важно более широкое исследование сотрудничества государственных и наднациональных органов с религиозными организациями в борьбе с терроризмом. Изучение влияния террористических актов на электоральное поведение граждан может помочь в усовершенствовании кризисных коммуникаций государства или межгосударственного образования.

С развитием технических средств коммуникации существенно упрощаются операции в рамках асимметричного информационного противоборства. Анализ интересов целевой аудитории облегчается возможностью автоматически учи-

тывать количество посещений страницы в Интернете, комментариев и отметок о том, что сообщение нравится пользователям социальных сетей. Генерация новостных сообщений в соответствии с полученными при этих подсчетах данными также в скором времени может стать автоматической, в том числе и в ЕС. Возможное использование подобной техники террористами делает востребованной подготовку антитеррористических ведомств к новым угрозам.

С переходом терроризма в новое качество, когда террористическая организация может де-факто осуществлять стратегическую коммуникацию наряду с государствами и межгосударственными объединениями, проблема коммуникации в борьбе с терроризмом не потеряет актуальности в будущем. Для ЕС на фоне межнациональной и социальной напряженности, которой террористические организации не замедлят воспользоваться, исследование этих процессов особенно важно.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

А) Монографии:

1. Базаркина Д. Ю. Терроризм и антитеррористическая деятельность: коммуникационный аспект (на материалах Европейского Союза). – М.: МЦСПИК при поддержке ЦКМ РНВШУ РАНХиГС, философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. БФРГТЗ «Слово», 2013. – 364 с.

2. Базаркина Д. Ю. Возможности применения коммуникационного менеджмента в антитеррористических структурах (на материалах Европейского Союза). – М.: МЦСПИК при поддержке ЦКМ РНВШУ РАНХиГС, философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – 274 с.

Б) Главы монографий:

3. Базаркина Д. Ю., Виноградова Е. А., Манойло А. В., Пашенцев Е. Н., Саймонс Г. США, Сирия и Иран: Ливийский сценарий повторяется / под ред. А. В. Манойло. Глава 9. М.: Горячая линия – Телеком, 2012. – 156 с. (авт. вклад – 0,6 п. л.).

4. Базаркина Д. Ю., Джорич М., Пашенцев Е. Н., Симеунович Д. Коммуникация и терроризм. Главы 6 и 7. М.: МЦСПИК при поддержке ДА МИД РФ, философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Общества изучения истории отечественных спецслужб, секции «Коммуникационный менеджмент в политике и бизнесе» СЕЕISA, Международной сети экспертов EURUCMNET, 2015. – 192 с. Сербское издание: Медији и тероризам / ред. Д. Симеуновић, М. Ђорић. Београд: Наука и друштво Србије, 2015. – 219 с. (авт. вклад – 2,6 п. л.).

В) Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

5. Базаркина Д. Ю. Угроза терроризма как проблема международной безопасности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2011. – №1(7). – С. 108 – 117.

6. Базаркина Д. Ю. Трудности информационного противостояния террористической угрозе: опыт ФРГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2011. – №2. С. 79 – 84.

7. Базаркина Д. Ю. Евросоюз: коммуникационное противодействие терроризму // Современная Европа. – 2011. – №4. – С. 6 – 17.

8. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный менеджмент в системе международной безопасности: на примере противодействия международному терроризму // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2011. – №3. – С. 227 – 234.

9. Базаркина Д. Ю. Координация контртеррористической деятельности в ЕС: Краткий обзор основных организаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – №2. – С. 79 – 84.

10. Базаркина Д. Ю. Борьба с ультралевым терроризмом в ЕС: коммуникационный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – №3. – С. 57 – 64.

11. Базаркина Д. Ю. Зачем Европе Европол? // Современная Европа. – 2012. – №3. – С. 29 – 38.

12. Базаркина Д. Ю. Борьба с ультралевым терроризмом в ЕС: коммуникационное сопровождение (на опыте ФРГ и Греции) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – №33. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_86

13. Базаркина Д. Ю. IX Конвент СЕЕИСА: международные отношения в контексте информационных угроз // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – №34. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_76

14. Базаркина Д. Ю. Коммуникационная стратегия наднациональных организаций ЕС в борьбе с терроризмом: попытка анализа // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – №35. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_32m

15. Базаркина Д. Ю. К вопросу о коммуникационном противодействии терроризму в обеспечении национальной и международной безопасности (на материалах Европейского Союза) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – №36. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_36

16. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный аспект терроризма и контртеррористической деятельности в Италии в 2000–2012 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – №38. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_306

17. Базаркина Д. Ю. Противодействие терроризму посредством коммуникаций: обобщение европейского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – №40. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_428

18. Базаркина Д. Ю. Европейский Союз: ультраправый терроризм сегодня // Современная Европа. – 2014. – №1. – С. 51 – 62.

19. Базаркина Д. Ю. Модели общественных преобразований глазами террористов: революция или реакция? Попытка компаративного анализа на опыте ЕС

// Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – №41. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_464

20. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный эффект терроризма на примере терактов в Мадриде 11 марта 2004 года // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №43. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_512

21. Базаркина Д. Ю. Возможности коммуникационного противодействия ультраправому терроризму одиночек (на примере Андерса Брейвика) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №44. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_608

22. Базаркина Д. Ю. Борьба с терроризмом в Великобритании // Современная Европа. – 2015. – №1. – С. 45 – 56.

23. Базаркина Д. Ю. Кризисные коммуникации в ответ на террористические атаки: на примерах терактов в Нью-Йорке (2001) и Лондоне (2005) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – №48. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/48_2015bazarkina.htm

24. Базаркина Д. Ю. Квазирелигиозный терроризм и борьба с ним в Европейском Союзе в 2001 – 2013 гг.: коммуникационный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – №51. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/51_2015bazarkina.htm

25. Базаркина Д. Ю. Борьба с терроризмом и ее коммуникационный аспект: опыт ЕС // Информационные войны. – 2015. – №2(34). – С. 42 – 47.

26. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный аспект Антитеррористической стратегии ЕС: теория и практика // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2016. – №1. – С. 22 – 26.

27. Базаркина Д. Ю. Коммуникационные функции Координатора ЕС по борьбе с терроризмом // Власть. – 2016. – №4. – С. 115 – 121.

28. Базаркина Д. Ю. Роль коммуникации в формировании феномена современного терроризма // Информационные войны. – 2016. – №2(38). – С. 65 – 70.

29. Базаркина Д. Ю. Международная конференция в Жешуве по проблемам борьбы с терроризмом // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – №57. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/57_2016bazarkina.htm

Г) Статьи в других изданиях:

30. Bazarkina D. The Information War against Terrorism: New Opportunities and New Risks: The German Experience // At War for Peace / ed. M. Forough. Oxford: Inter-Disciplinary Press, 2010. – P. 127 – 134.

31. Базаркина Д. Ю. Исторический факультет МГПУ на международных научных конференциях и встречах в России и за рубежом. / Д. Ю. Базаркина, О. С. Полунина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «История». – 2010. – №1(5). – С. 89 – 93. (авт. вклад – 0,1 п. л.).

32. Базаркина Д. Ю. Актуальность проблемы информационных войн в мировой науке / Д. Ю. Базаркина, О. С. Полунина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2010. – №2(6). (авт. вклад – 0,1 п. л.).

33. Базаркина Д. Ю. Коммуникационное влияние терроризма на политические и бизнес-процессы в современном мире // Инновационная информация нефтегазового строительного комплекса и смежных с ним областей и сфер деятельности / под общей научной редакцией В. К. Иванца. Выпуск 6. М.: БФРГТЗ «Слово», 2011. – С. 142 – 155.
34. Базаркина Д. Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // Личность и медиа: технологии взаимодействия / сост. Т. Н. Владимирова, И. В. Жилавская. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2011. – С. 73 – 79.
35. Базаркина Д. Ю. Ультралевый терроризм и экстремизм в СМИ Европейского Союза. // Инновационная информация нефтегазового строительного комплекса и смежных с ним областей и сфер деятельности / под общей научной редакцией В. К. Иванца. Выпуск 7. М.: БФРГТЗ «Слово», 2012. – С. 178 – 184.
36. Базаркина Д. Ю. Корни этнорелигиозного терроризма в Европейском Союзе и Латинской Америке: общее и особенное // Международные отношения. – 2012. – №1. – С. 54 – 59.
37. Базаркина Д. Ю. Коммуникационное противодействие терроризму в странах ЕС: работа с молодежной аудиторией // Молодежь и медиа. Экология медиaprостранства: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Москва, 27 – 29 ноября 2012 г. / сост. И. В. Жилавская, С. И. Августевич. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2012. – С. 107 – 117.
38. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный эффект терроризма: На опыте Европейского Союза // Подкурсы. Сборник научных трудов к 75-летию юбилею С. И. Августевича / сост. Т. Н. Владимирова. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2012. – С. 88 – 97.
39. Базаркина Д. Ю. На международных конференциях: от студента до докторанта / Д. Ю. Базаркина, И. С. Барышев, Е. А. Виноградова, О. С. Полунина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «История». – 2012. – №2(10). – С. 131 – 135. (авт. вклад – 0,1 п. л.).
40. Bazarkina D. Strategic Communication of the EU: the Counter-Terrorist Aspect // Proceedings of the 12th European Conference on Information Warfare and Security. 11 – 12 July 2013, Jyväskylä, Finland / ed. R. Kuusisto, E. Kurkinen. – P. 31 – 37.
41. Bazarkina D. Communication Management in the Counter-Terrorist Structures in Russian Federation: Main Tendencies and Challenges // Research Institute for European and American Studies (RIEAS, Athens, Greece) [website]. 08.06.2013. URL: www.rieas.gr/research-areas/global-issues/russian-studies/1979-communication-management-in-the-counter-terrorist-structures-in-russian-federation-main-tendencies-and-challenges-.html (accessed: 11.08.2013).
42. Базаркина Д. Ю. Коммуникационное противодействие террористической деятельности: основные задачи и проблемы // Сборник трудов международного форума конференций «Медиаобразование – 2013». Москва, 31 октября – 2 ноября 2013 г. / под ред. И. В. Жилавской. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. – С. 380 – 389.

43. Базаркина Д. Ю. Коммуникация в арсенале террористов и антитеррористических структур в Италии в 2000 – 2013 гг. // Актуальные проблемы Европы = Urgent Problems of Europe / гл. ред. Т. Г. Пархалина. М.: ИНИОН РАН, 2014. – №2: Средиземноморские страны Европы: Тенденции политического и социально-экономического развития. – С. 177 – 197.

44. Bazarkina D. Communication Management and the Problem of International Security in the Counterterrorist Activities of the European Union // Radoslav Ratković – Život i delo. Međunarodni tematski zbornik. Beograd, 2014. – P. 324 – 333.

45. Bazarkina D. Technologies Used by Terrorist Organizations to Influence Public Opinion: the Experience of Russia, Germany and Sweden // Nauka I Društvo. Časopis za društvene nauke (Science and Society – Journal of Social Sciences). – 2014. – №1. P. 75 – 88.

46. Базаркина Д. Ю. Коммуникационное противодействие террористической деятельности: основные задачи и проблемы // Медиаобразование как фактор оптимизации российского медиапространства: Коллективная монография / отв. ред. И. В. Жилавская, Т. Н. Владимирова. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. – С. 159 – 168.

47. Базаркина Д. Ю. Авторы рубрики «Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация» на международных конференциях в Швеции и Румынии / Д. Ю. Базаркина, О. С. Полунина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №45. URL: e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_660 (авт. вклад – 0,2 п. л.).

48. Базаркина Д. Ю. Элементы медиаобразования в европейской системе предотвращения экстремизма и терроризма // Медиаобразование 2014: Сб. тезисов и статей Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Медиаобразование 2014. Региональный аспект» 7 октября – 9 октября 2014 г. / под ред. И. В. Жилавской, Е. А. Карягиной. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. – С. 288 – 295.

49. Bazarkina D. Right-Wing Extremism and Terrorism in the Territory of the EU: From “Street Fighters” to “National-Socialist Underground” // Nauka I Društvo. Časopis za društvene nauke (Science and Society – Journal of Social Sciences). – 2015. – №2. – P. 85 – 102.

50. Базаркина Д. Ю. Коммуникация с целевыми аудиториями в антитеррористических структурах России и ЕС: Попытка анализа // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире. Труды I Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 562 – 564.

51. Базаркина Д. Ю. Коммуникация в борьбе с квазирелигиозным терроризмом в Европейском Союзе после 2001 г. // Медиаобразование: опыт и перспективы. Материалы секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Воронеж, 13 – 14 мая 2016 г. Выпуск 1. / под ред. В. В. Тулупова. Воронеж, 2016. – С. 16 – 21.

Д) Тезисы докладов на международных научных конференциях:

52. Bazarkina D. The Informational War against Terrorism: New Opportunities and New Risks (German Experience) // War and Peace: Probing the Boundaries. Prague, Czech Republic, 2010.

53. Bazarkina D. Communication aspect of the activities of the antiterrorist structures of Germany under the conditions of the economic and social crisis and the interests of a civil society // IAMCR 2010: Communication and Citizenship. URL: www.lasics.uminho.pt/ocs/index.php/iamcr/2010portugal/paper/view/1297

54. Базаркина Д. Ю. Борьба с ультраправым терроризмом в странах Европейского Союза: коммуникационный аспект // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2012» [электронный ресурс]. М., 2012.

55. Bazarkina D. Strategic Communication of the EU: the Counter-Terrorist Aspect // Abstracts and Conference Materials for the 12th European Conference on Information Warfare and Security. 11 – 12 July 2013, Jyväskylä, Finland / ed. R. Kuusisto, E. Kurkinen. – P. 4.